

Каждый хищник
должен получить
свою жертву

Полщиенная

ЯСНОВИДЕНИЕ #3

Rosland || Переводы романов

Хейзел Хантер

Хотя экстрасенс Изабель де Грей и специальный агент ФБР Гэвин «Мак» МакМиллаи определенно являются парой, они не планировали быть вместе 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Но когда серийный убийца, известный как Хамелеон, выказывает особенный интерес к Изабель, Мак отказывается оставлять ее одну.

Несмотря на сильную любовь, их отношения подвергаются испытанию, когда ФБР, вопреки желанию Мака, просит Изабель сыграть роль наживки. И хоть Изабель готова это сделать, этот план непреднамеренно давит на самый темный и потайной страх Мака. Когда их отношения натягиваются до предела, и жизнь Изабель висит на волоске, Мак наконец понимает, что каждый хищник должен получить свою жертву.

Хейзел Хантер
Похищенная

Информация о переводе:

Русификация обложки: Rosland

Изабель никогда не видела Мака таким злым, и уж тем более с Беном.

— Я подумал об этом, — процедил Мак, тяжелым взглядом глядя поверх полированного деревянного стола Бена. — И я говорю «нет».

Звонок от Бенисио Оливоса, заместителя директора ФБР и руководителя штаба Бюро в Лос-Анджелесе, стал сюрпризом для Мака, но совершенно шокировал Изабель. Вопреки тому, что они с Маком помогли спасти его дочь от серийного убийцы, известного как Хамелеон, Бен ясно дал понять, что думает об экстрасенсах.

— Может, у Изабель есть свое мнение, — парировал Бен и перевел взгляд на нее.

Когда позвонила секретарша Бена и попросила о встрече с ними обоими, Изабель предположила, что их вызывают из-за их отношений. Специальный агент Гэвин «Мак» МакМиллан работал на ФБР как профайлер, а она как экстрасенс, и это делало их странным рабочим союзом. Но речь шла не о той работе, которую подразумевало ФБР. Это были их личные отношения.

Изабель посмотрела на строгий профиль Мака, выступающий сильный подбородок, густые темные и коротко подстриженные волосы. Даже под костюмом и рубашкой с длинным рукавом она видела контуры его тела, теперь жесткого и напряженного.

Они пришли сюда готовыми обсудить с Беном их отношения, но наставник и друг Мака не хотел говорить *о них* — он хотел говорить *о ней*.

Изабель открыла рот, чтобы ответить, но Мак ее перебил.

— Бен, говорю тебе, — произнес Мак, его челюсти напряглись. — Это ни к чему не приведет. Изабель не станет наживкой для Хамелеона.

Наживкой, сказала Изабель. *Все звучало куда более разумно, когда Бен использовал слово «приманка».*

— Ты сам сказал, — произнес Бен, откидываясь в кресле. — Изабель — его ИТЖ. С самого начала он увлекся ею. Сначала он требует, чтобы ее вернули в одно дело, потом требует ее участия в другом. И теперь на месте преступления он оставляет клочок бумаги с ее именем.

Изабель знала, что Мак включил ее видение со стетоскопа в свой отчет, но Бен не придавал этому значения. Хамелеон оставил его с сообщением, которое могла увидеть только она. Когда его последняя жертва коснулась стетоскопа, Хамелеон сказал молодой девушке, что Изабель будет следующей. Он нацелился *на нее*.

— Прошу прощения, — вмешалась Изабель. — ИТЖ?

— Идеальный тип жертвы, — ответил Бен. — Брюнетка, миниатюрная, привлекательная, — он помедлил. — Как Эсме.

Сходство между жертвами, включая Эсме, дочь Бена, не ускользнуло от Изабель.

Идеальный тип жертвы.

Изабель кивнула.

— Я не говорю, что риска не существует, — сказал ей Бен. — Ты должна идти на это с пониманием риска.

Она видела его последнюю *идеальную* жертву — ее бескровное лицо и таращившиеся глаза. Изабель чувствовала ее боль и безграничный ужас в видении со стетоскопа. Если кто и знал, что существует риск, так это Изабель. Даже сейчас ей хватало мысленно вернуться на

несколько дней назад к той кошмарной сцене, чтобы ощутить смесь тошноты и ужаса.

Но она также видела, как Бен и Анита страдали из-за похищения дочери. Изабель знала, что всем семьям идеальных жертв приходилось справляться с горем и потерей, неважно, как давно пропали их любимые.

И Хамелеон знает мое имя. Сколько времени у него уйдет на мои поиски?

Мак резко встал.

— Прекрати, Бен, — прорычал Мак. — Я же сказал «нет».

— Но я говорю «да», — сказала Изабель, поднимая на него взгляд. — Я должна.

Мак ошеломленно уставился на Изабель.

Этого не может быть.

Его руки немедленно сжались в кулаки.

— *Изабель*, — тихо произнес он, и предостерегающий тон его голоса был всего в шаге от ярости.

— Прислушайся к ней, — сказал Бен.

Мак резко развернулся к нему. Из всех людей на свете Бен должен был понимать! Он даже был знаком с Линн! Мак не мог поверить, что Бен просил его *о таком*.

— Наведи порядок в своей голове, — сказал ему Бен, пока кровь Мака грохотала в ушах. — Не я должен был до этого додуматься. Это должен был быть ты.

Мак моргнул, как будто его ударила молния.

— Додуматься *до чего?* — спросил Мак, тщательно контролируя свой голос, но едва-едва не срываясь. — До какой-то сырой идеи? До какого-то тупого плана сдать убийце?

Лицо Бена приобрело более темный оттенок красного.

— Наведи порядок в своей гребаной голове, Мак, — громко сказал он. — С того самого момента, как ты рассказал мне о своих отношениях с Изабель, я наблюдал за тобой. Ты не работаешь в полную силу. Твои мысли еле-еле связаны с работой. Если ты настаиваешь на том, чтобы остаться в Лос-Анджелесе и не возвращаться в Куантико, тогда я предлагаю придерживаться плана. И побыстрее.

Мак холодно улыбнулся ему.

— Ты командуешь расследованием, Бен? — спросил Мак. — Вот в чем все дело? Ты берешь контроль над делом?

Лицо Бена исказилось от злости, и он шевельнул ногами, как будто собирался встать, но потом, видимо, передумал.

— Ты знаешь, что дело не в этом, — ответил Бен. Он помедлил и посмотрел Маку прямо в глаза. — Думаю, мы оба знаем, в чем здесь дело.

Вот оно, подумал Мак. *Он с таким же успехом мог сказать это вслух. Все дело в Линн.*

Мак быстро взял Изабель за руку в перчатке и поставил на ноги.

— Я не могу подвергать Изабель такой опасности, — сказал Мак, возвращая взгляд Бена. — Как и ты не можешь рисковать Эсме, — он позволил этим словам повиснуть в воздухе. Эсме была единственной, кто мог свидетельствовать против Хамелеона, и они оба это знали. Им обоим было что терять. — Разговор окончен.

Прентисс бегло окинул себя взглядом в зеркало в ванной, но предусмотрительно не стал мыть руки. Иначе смоется грим с тела.

Как бы это выглядело? Латиноамериканец с белыми руками.

Этот странный образ едва не заставил его расхохотаться в голос. Поправив тяжелый черный рабочий ремень, он проверил усы — густые, черные и надежно приклеенные. Они идеально подходили к его покрашенным волосам, и теперь он носил новую стрижку. Он решил отказаться от парика в этот раз. Ощущение волос, подстриженных на военный лад, помогало ему вжиться в роль. Он был офицером Феликсом Агиляром, патрульным. Он быстро подмигнул себе, поднял пухлый конверт и повернулся к выходу.

Костюм и бутафория быстро сошлись воедино. Полицейская униформа появилась из магазина для взрослых в двух кварталах от его квартиры. Ему все равно пришлось пробраться в «Наряды для Фетиша» — вывеску, висевшую в секции одежды. Наручники появились оттуда же.

Медленно прохаживаясь по широкому коридору седьмого этажа Бюро, он принял развязный вид, но не слишком. Он расправил грудь, встал прямо и открыто смотрел людям в глаза. Он был копом. Это люди должны беспокоиться *из-за него*, а не наоборот.

Найти сержанта Диксона и директора ФБР Оливоса было несложно. Ему всего лишь понадобилось собрать статьи из лос-анджелесских газет. Он все равно собирал их для своего альбома с вырезками, но они оказались крайне полезными, когда дело дошло до поисков Изабель. Он видел Диксона буквально вчера. Сержант числился в штате участка, который охранял это здание в Вествуде. Диксон был одет не в униформу, но Прентисс видел его в новостях, когда тот отталкивал репортеров от дома последней жертвы. Директора Оливоса он заметил пару дней назад, узнав его по телепередаче о похищении Эсме.

Прентисс поджал губы в тонкую линию, а пальцы стиснули широкий ремень.

Эсме. Убийство, которое испоганила экстрасенс Изабель де Грей. Он прищурился. *Она заплатит.*

Где Диксон и Оливос, там неподалеку и Изабель. Они должны использовать ее экстрасенсорные способности, чтобы отследить его. Это единственное объяснение тому, что они следуют за ним по пятам — сразу после похищения Эсме. Прентисс всегда был осторожен, не оставляя улики, поэтому он не сомневался — это Изабель. Даже если ему придется день за днем ходить по этим коридорам на протяжении целой вечности, он так и сделает. Или так, или он найдет другую жертву. У этого плана тоже есть преимущества.

Пара в конце коридора привлекла его внимание.

Это...?

Поначалу его привлекло их быстрое движение, мужчина тащил ее за собой. Но присмотревшись, Прентисс осознал, кто это был.

— Изабель, — пробормотал он, не успев себя остановить.

Ему понадобилась каждая капля актерского мастерства, чтобы не глазеть. Мужчина с ней, одетый в темный костюм и галстук с безупречной белоснежной рубашкой, должно быть, агент ФБР. Он тащил ее быстрым шагом, и они направлялись напрямик к нему. Прентисс отвернулся.

Узнает ли она меня?

Он бросил в ее сторону осторожный взгляд. Она даже не смотрела на него, и похоже, они не пройдут мимо него. Они оставались у открывавшегося лифта. Прентисс продолжил прогуливаться.

Хоть она все еще оставалась на расстоянии нескольких ярдов, Прентисс ощутил знакомое возбуждение погони. Изабель была хорошенькой — *очень* хорошенькой. Роскошные темные волосы спадали до середины ее спины. Облегающее платье без рукавов цеплялось за изгибы ее фигуры, а высокие каблуки подчеркивали привлекательные ножки. На мгновение он представил, как его нож пронзает нежную кожу ее бедра прямо над коленом. Но как только она вошла в лифт, ему пришлось пошевеливаться. Сейчас не время забирать ее, но присмотреться получше не повредит. Когда двери начали закрываться, Прентисс медленно подошел и заглянул внутрь.

Хоть она смотрела на агента, Прентисс увидел ее глаза. Они были самого замечательного янтарного оттенка, какой он только видел в своей жизни, и он невольно задался вопросом, не носит ли она цветные линзы. Но потом двери закрылись. Он посмотрел на свое отражение в полированном металле и ощутил груз пухлого конверта под рукой. Они, видимо, уходили отсюда. неподходящее время. Но Прентисс знал, что момент в конце концов настанет. Он улыбнулся своему отражению и продолжил неспешное патрулирование, гадая, как будет звучать крик Изабель.

Глава 2

— Мак, — взмолилась Изабель. — *Поговори со мной*, — он молча кипел всю дорогу до дома. — Что происходит?

Если бы он орал на нее, кричал что-то, она бы поняла. Но это. Ее встретило его каменное лицо, когда он повернулся, закрыв входную дверь.

— Происходит то, — сказал Мак тем же стальным голосом, каким он разговаривал с Беном, — что серийный убийца угрожает сделать тебя следующей жертвой, — он встал, уперев руки в бока и сверля взглядом пол между ними. Из-под его пиджака выглядывал ремень кобуры с пистолетом, который он начал носить. — Почему я должен всем об этом напоминать?

С тех самых пор, как они нашли тело Анджелы, Мак не оставлял ее ни на секунду. То, что он был здесь, с ней, в Лос-Анджелесе, было *изумительно*, но возможно, это уже сказывалось. Даже Изабель видела, что Бен прав. Мак изменился. Но она не понимала, как сам Мак этого не видит.

— Я не это имела в виду, — сказала она, кладя сумочку на маленький столик возле двери. — Что происходит *с тобой*?

Изабель остановилась прямо перед ним и положила руки на его напряженную узкую талию. Его широкая грудь нависала над ним, и встретившись с тяжелым взглядом синезеленых глаз, она ожидала, что Мак обнимет ее.

Но он не обнял.

На его квадратном подбородке то и дело играли желваки, но в остальном Мак оставался неподвижным. Изабель могла лишь удивленно моргнуть. В любой другой момент, если бы она встала так близко к Маку, он бы ее обнял. Не существовало конца объятиям, нежным и не очень нежным прикосновениям, которые давали ей понять, что он рядом. Но эта новая сторона Мака — холодная — ее пугала.

— Я хочу быть с тобой, — сказал он наконец, как будто каждое слово причиняло боль. — Двадцать четыре часа в сутки. Я не смогу делать этого, если ты будешь *наживкой*, — он выплюнул последнее слово так, будто произнес нечто отвратительное. — Такова сама суть *наживки*.

Изабель хотелось отшатнуться от резкого тона, но она устояла на месте и не убрала рук с талии Мака. Он *должен* ее коснуться. Рано или поздно, он *все равно* ее обнимет. Это же *Мак*. Она всматривалась в его суровое лицо, ища подсказки, способной указать, что происходит у него в душе. Мак не отводил твердого взгляда, ожидая ее реакции.

Но она не собиралась сдаваться так быстро. Что-то промелькнуло между ним и Беном, что-то, что быстро положило конец встрече.

— О чем говорил Бен? — спросила Изабель. Все равно ничего. Только неотрывный взгляд и молчание, которое тянулось как будто целую вечность. — *Проклятье, Мак*, — взмолилась Изабель, попытавшись встряхнуть его, но не сдвинув ни на дюйм. — *Пожалуйста*, просто скажи мне, что происходит.

— Прочти меня, — сказал он.

Теперь она все же отстранилась, сделав пару неловких шагов назад.

— *Что?* — ахнула Изабель.

Мак убрал руки с бедер и протянул ей ладонь.

— Сними перчатку и коснись меня.

Дар психометрии был одновременно даром и проклятием Изабель на протяжении всей ее взрослой жизни. Прикосновение к людям означало прочесть их мысли и заглянуть в их прошлое. Ни одни отношения не переживали этого прикосновения, и она не собиралась терять Мака, даже если это означало целыми днями круглосуточно носить перчатки.

— Мак, мы уже обсуждали это.

— Зачем спрашивать меня, когда ты можешь все узнать сама? — спросил Мак, делая шаг к ней. Изабель немедленно отступила назад и стиснула руки перед собой. — Ты не можешь носить их вечно, — сказал он, снова подходя ближе, а она продолжала пятиться. — Ты же знаешь, что это невозможно.

Что отражалось на его лице? Боль? *Злость?*

— Почему ты делаешь это? — выпалила Изабель. — Ты не обязан это делать.

— Видимо, обязан, — сказал Мак, снова приближаясь и протягивая к ней руку. Изабель опять попятилась, споткнувшись, но восстановив равновесие. — Разве я не говорил, что люблю тебя? — спросил Мак. — Что не оставлю тебя? Ни на секунду?

— Да! — воскликнула она, ощущая, как к горлу подступает паника.

— Тогда почему ты не можешь в это *поверить?* — сказал Мак, делая очередной шаг.

Изабель попыталась отступить, но врезалась в стену, ощутив спиной выключатель и угол коридора, который вел в стену. Мак остановился, но резко протянул ладонь.

— *Я верю* в это! — воскликнула Изабель, глядя на его руку. — Верю! — она вжалась в стену и посмотрела на лицо Мака. Но оно ничего не выдавало — даже его желание этого прочтения. Она с изумлением уставилась на него. Дело было не в видении. Что-то произошло — между ним и Беном — что-то, что превратило Мака в лед, в человека, который теперь стоял перед ней. — Клянусь богом, — пробормотала Изабель, расстегивая застегжку на перчатке. — *Я сделаю это*, — сорвалась она, когда взгляд Мака резко метнулся к ее рукам и брови удивленно приподнялись. Это первая демонстрация эмоций с тех пор, как они вышли из офиса Бена. Затем, когда Мак изумленно приоткрыл рот, Изабель застыла.

Хотя она уже наполовину сняла перчатку, в ее голове пронесся миллион мыслей.

Как мы так быстро добрались до этого?

Что происходит?

Я не смогу это отменить.

Это может стать концом всего.

И не успев осознать, что делает, Изабель быстро покачала головой.

— Нет, — прошептала она, дрожа. — Не сделаю. Не вот так. *Я не могу.*

Когда она натянула ткань обратно на запястье, Мак сократил расстояние между ними и схватил ее за запястья.

— Этот день придет, — сказал он низким рычащим голосом, поднимая обе ее руки. — Ты захочешь этого. — Его сине-зеленые глаза пылали той же настойчивостью, что звучала в его голосе. — Ты захочешь этого сильнее, чем я, — сказал Мак, медленно задирая ее руки над головой и прижимая их к стене. — Так сильно, что ощутишь вкус этого желания на своем языке, — сказал он, медленно скользя взглядом к ее рту. — И когда этот день наступит, — хрипло прошептал он, — и последний барьер падет... — он помедлил, глядя ей в глаза. — Ты наконец-то *узнаешь*, как сильно я тебя люблю.

Затем его рот завладел ее губами.

На долю секунды Мак действительно подумал, что Изабель прочтет его, и к собственному удивлению испытал момент сомнения. Он жаждал этого прочтения, хотел, чтобы она была свободна от перчаток, но он не знал, как она отреагирует на воспоминания о Линн — и то, как план Бена играл на его худших страхах.

Но когда момент был упущен, разочарование и облегчение смешались воедино, ее близость стала слишком сильной. Мак захватил ее губы с горько-сладкой яростностью, требовавшей ее ответа. Изабель так близко подошла к тому, чтобы прочесть его — почти это сделала. Мак знал, что она хотела этого, но сейчас он чувствовал это на ее губах. Они пульсировали под ним, вибрируя жизнью. Их теплое давление чувственно скользило по его губам, быстро раскрываясь в приглашении, которое нельзя было не заметить. Его язык ворвался в нее, раз за разом поглаживая ее ротик и заявляя свои права на него.

Изабель всосала его внутрь, и Мак ощутил, как его грудь прижимается к ее телу, его руки все еще удерживали ее запястья над головой. Он подался вперед, наклоня голову то в одну сторону, то в другую, поцелуй становился ненасытным, безжалостным, и его аппетит к ней только возрастал.

Притормози, сказал он себе. Не так жестко.

Но сдерживаемая злость на риск, который предлагала принять Изабель — перспектива, о которой он и *помыслить* не мог — заводила его все сильнее. Мак глубоко целовал ее, поглощал самую ее суть и требовал, чтобы она отдала еще больше. В ответ ее гибкое тело выгнулось навстречу ему. Одной рукой Мак продолжал удерживать ее запястья, а другой быстро скользнул на ее поясницу, впечатывая ее в свое тело. Ее бедра извивались под его рукой, а живот вжался прямо в его затвердевающую эрекцию. Прикосновение оказалось электризирующим, подобным удару молнии, который тут же парализовал его.

Изабель не знала, что за спусковой крючок она спустила в Маке, но старалась поддерживать эффект. Раз за разом его губы поглощали ее с остервенелой настойчивостью. Его язык проникал так глубоко, что она полностью раскрыла рот, втягивая воздух носом и чувствуя, как горят легкие.

Мак буквально вспыхнул, и Изабель не знала, что и думать.

Но без лишних мыслей ее тело реагировало на него, отчаянно желая близости, в которой она только что отказала им. Она *хотела* прочесть его, даже *нуждалась* в этом, но риск потерять его...

Возбуждение Мака вжималось в ее живот, и он давил на нее, пришиливая бедра к стене. Его сильный силуэт возвышался над ней, бугристые мышцы груди напряглись под рубашкой, прижимаясь к ней. Кровь грохотала в ушах, легкие угрожали взорваться, но Изабель продолжала извиваться под ним.

Мак так быстро отпустил ее запястья, что она даже не сразу это осознала, но как только до не дошло, она почувствовала, как он тянет вниз замочек на молнии платья. Ее руки занялись его галстуком, но Изабель почувствовала, что молнию на платье заело. Не поколебавшись ни секунду, руки Мака напряглись, и он разодрал платье. Изабель шокированно ахнула, и их губы разомкнулись. Ее грудь тяжело вздымалась, пока она

наблюдала, как Мак рвет ляпочки на плечах и стаскивает разорванную ткань по бедрам, скидывая ее на пол вместе с трусиками. Лифчик оказался следующими, и секунды спустя он повис на ее локтях, потому что она все еще ошарашенно держалась за его галстук. Одним гладким движением Мак наклонился к ней, подхватил на руки и зашагал в спальню.

Только когда Мак бросил Изабель на кровать, она отпустила его галстук. Он немедленно содрал с себя проклятый кусок ткани и швырнул его через комнату. Взглянув на обнаженную Изабель, лежавшую на покрывале, на ее мягкую уязвимую плоть, ее изумленно приоткрывшиеся припухшие губы, Мак ощутил, как его член болезненно запульсировал.

Он содрал с себя рубашку, пуговицы полетели в разные стороны, отскакивая от стен, и янтарные глаза Изабель расширились. Ремень, брюки и трусы стали следующими, и Мак швырнул их на пол. Изабель была на таблетках, поэтому Мак не стал задерживаться из-за презерватива. В считанные секунды он последовал за ней на кровать, навис над нею и вошел домой.

Ее спина выгнулась от быстрого проникновения, и с губ сорвался резкий вздох.

Притормози, снова сказал себе Мак.

Но приподнявшись на руках и окинув взглядом ее тело — обнаженное, прекрасное, роскошное — он уже никак не мог притормозить. Упругая плоть ее стенок сжалась на нем, и он вновь вколотился в нее. Изабель приподнялась под ним, когда он вновь и вновь вминался в нее, и влажное скольжение ее влажной плоти напрямую касалось кожи его члена. Ощущение было невероятным, но вместо того, чтобы утолить его нужду, оно лишь усиливало желание.

Я не потеряю тебя, подумал Мак, мощно и глубоко вколачиваясь в нее.

Изабель застонала от быстрых резких толчков, и ее руки в перчатках схватили его за бедра. Мак вновь глубоко погрузился в нее. Изабель жестко обхватывала его, ее бедра поднимались навстречу его толчкам, пока они ударялись друг о друга. Мак снова и снова вдавливался в нее серией властных движений. Он брал ее глубже и жестче, стремясь к самому центру ее естества, где они полностью сливались воедино. Она хрипела от его усилий и приподняла колени, чтобы помочь ему.

— *Изабель*, — хрипло прошептал Мак. — Я не потеряю тебя.

К его удивлению Изабель приподняла веки и посмотрела ему в глаза. Ее ладони обхватили его лицо. Мак помедлил, и их тяжелые вздохи смешались друг с другом, его набухшая плоть вошла в нее до предела.

— Ты не можешь, — выдохнула она почти беззвучно. — Никогда.

Никогда, подумал он. В груди расцвела знакомая боль, и Мак медленно покачал головой, стараясь улыбнуться.

— Это не так, Изабель, — тихо сказал он, опускаясь на локти. Он легонько погладил ее волосы на висках, посмотрел на приоткрытые губки и снова ей в глаза. — *Боже*, как бы я хотел, чтобы это было правдой.

Ее брови на мгновение сошлись вместе.

— Но...

Мак быстро накрыл ее губы своими. Он не хотел больше слушать. Его губы приказывали Изабель почувствовать глубину его любви, хоть он и понимал, что она не может этого

сделать. И наконец Мак понял, что Изабель ошибалась, но и он сам тоже был неправ. Он не мог полностью владеть ею, так, как ему хотелось — пока над ними висела угроза ее исчезновения. Его губы ласкали ее рот поцелуем, утратив былую настойчивость, но нужда поглотить ее всю осталась: цветочный запах ее кожи, мягкое давление ее груди, теплое убежище ее податливого тела, сладкое и чувственное скольжение ее губ.

Руки Изабель зарылись в его волосы, скользнули по груди и мышцам. Давление ее ладоней на соски заставило их напрячься и отдалось жестким толчком в его члене.

Затем она против его воли оборвала поцелуй, и Мак открыл глаза, встречаясь с ней взглядом.

— Позволь мне быть сверху, — прошептала Изабель.

Когда Мак перекатился на спину, Изабель невольно задалась вопросом, что означала его печальная улыбка. Он был на пределе и раньше, после встречи с Беном все только ухудшилось. Но *что-то* управляло Маком, какая-то нужда, которую Изабель ощущала под его кожей — нужда, заставившая его разорвать ее одежду за минуту, а потом вынудившая перестать заниматься с ней любовью только лишь для того, чтобы сказать, что он ее не потеряет. Изабель не понимала этого, но его мучения раздирали ее на части, и она сделала бы что угодно, чтобы прекратить их.

Она позволила своему взгляду бродить по его мускулистому торсу, сильным плечам, грудным мышцам, которые перекачивались при каждом движении его мощных рук. Ее ладони прошли по рифленным мышцам пресса и вверх по груди, и Изабель медленно склонилась к нему. Еще до того, как ее губы коснулись его, твердая плоть Мака дернулась в ней. Но когда ее губы сомкнулись на его соске, Мак зашипел. Его ладони быстро погладили ее спину и сжали талию. Его соски были невероятно чувствительными, эти кружочки цвета арбуза уже затвердели. Его ствол набух внутри нее, и теплая волна хлынула между ног Изабель. Ее нос зарылся в мягкие волосики, покрывавшие его грудь, а язык описывал круги вокруг напряженной горошинки, лаская медленными сладкими движениями.

Руки Мака надавили на ее бедра, эрекция толкнулась вверх. Он растягивал ее стеночки, и ее бедра желали отозваться на это движение, но Изабель не отрывалась от соска Мака. Твердый комочек напрягся, выступая под ласками ее языка, но вместо того чтобы полизать его, она мягко всосала его в рот.

— *Изабель*, — напряженно прошептал Мак, и Изабель ощутила, как он содрогнулся под ней.

Он старался не шевелиться, старался позволить ее губам делать свою работу, но его бедра содрогались в крошечных хаотичных толчках. Изабель томно скользнула языком по тугому комочку и была вознаграждена прерывистым вздохом, сорвавшимся с его губ. Его таз начал медленные круговые движения, замирая, начиная вновь и опять замирая — движения на грани контроля, *невообразимо* чувственные. Ее собственные бедра пытались насадиться на него, но внутренности сжались вокруг его восставшей плоти, и Изабель коснулась губами другого соска.

Все тело Мака напряглось в предвкушении, точеные мышцы взбугрились, пальцы впились в ее бедра. Изабель накрыла обнаженную вершинку губами, лаская ее и чувствуя, как затвердевают ее собственные соски от того, что плоть Мака конвульсивно содрогнулась

в ней. Она застонала, не отпуская жесткий сосок, дразня его языком и легонько прикусывая зубами.

Движения Мака вновь плавно возобновились, одновременно с гортанным стоном в его груди. Его руки надавили на ее бедра, спина начала ритмично выгибаться над постелью, и этот звук, вибрировавший в груди под ее губами, медленно поднялся к горлу. Чем громче он стонал, тем сильнее ее зубы дразнили его набухший сосок. Чем выше он выгибал спину, тем ниже опускались его бедра и руки насаживали Изабель на его ствол. Лишь плечи Мака оставались на кровати, тело Изабель полностью опустилось на его ноющую грудь, а грудная клетка продолжала вздыматься. Он жестко тянул свой сосок, напряжение становилось почти невыносимым, и его стон превратился в мучительный крик. Изабель растянулась на нем, прикусывая все сильнее, успокаивая языком, снова и снова, пока наконец Мак не закричал и не отстранился.

Он вскинулся под ней всем телом, и лишь его руки не дали Изабель улететь на другой конец комнаты. Его массивная эрекция вонзалась в нее, он бешено вминался внутрь. Изголовье кровати громко билось о стену, ритмично ударяясь об нее всякий раз, когда его спина вжималась в матрас, а бедра вколачивались в нее. Изабель раскачивалась над ним, стараясь сохранить контакт, хотя каждое проникновение подбрасывало ее еще выше. Он наполнял ее до боли и позволял упасть. Он вонзался в нее и осаживал обратно. Его великолепное безудержное тело сокращалось волнообразными движениями, которые поднимали их обоих над кроватью.

Изабель хотела вжаться в него, чувствуя, как пульсация ее сладкого местечка становится сокрушительнее, ее бедра раскачивались на нем. Снова и снова воздух вырывался из ее легких прерывистыми вздохами, пока Мак вколачивался в нее снизу. Ее грудь вздымалась от хриплых неровных вздохов. И когда она уже подумала, что этим первобытным толчкам не будет конца, Мак сел, и Изабель тут же очутилась в другой позиции. Она уперлась руками в кровать позади себя, а Мак встал на колени и жестко привлек ее бедра к себе.

Когда Мак насадил Изабель на свои бедра, он одновременно толкнулся ей навстречу. Все ее тело завибрировало от такого соединения, и она быстро оперлась локтями на кровать, запрокинув голову. Взрыв лихорадочных толчков завладел ее бедрами, ее гибкое тело извивалось под ним. Оливковая кожа окрасилась румянцем возбуждения, идеальные холмики ее груди с розовыми сосками раскачивались от толчков, грудь вздымалась в таком же тяжелом ритме, что и его собственная. Его разбухшая плоть погружалась в нее, пока Мак продолжал крепко удерживать ее бедра и жестко насаживать ее на себя. Изабель жалобно захныкала, и сильная дрожь прошла по всему ее телу. Ее тело как будто переливалось, невероятно плоский животик извивался и сокращался. Мак снова вколачивался в нее, глубоко пронзая ее членом, и на мгновение даже усомнился в своем зрении.

Но глядя на ее животик и крепче толкаясь бедрами, он повыше приподнял пах. Бедра Изабель оторвались от кровати, все тело высоко выгнулось, и Мак увидел в ней собственный член.

— Да, — прошипел он.

Он прижал одну ладонь к бугорку на ее животе, и тело Изабель выгнулось под ним. Его рука скользнула между кремовыми изгибами ее содрогающихся бедер, и Мак почувствовал

свой член.

Его оргазм взорвался внутри нее.

Под давлением его собственной ладони его напряженный ствол неконтролируемо разбух, и ослепительная разрядка заставила его закричать от мук экстаза. Оргазм Изабель тут же стиснул его плоть, ее стенки сжали ствол, извивание переросло в череду конвульсий, раскачивавших их тела. Его член пролился внутри нее, бешено сокращаясь раз за разом. Его руки сдавили ее узкую талию, крепко прижимая к себе, и все тело Изабель сильно сотрясалось, она закричала. Ее оргазм волнами прокатывался по его члену, и Мак мог лишь проливаться в нее. Их хриплые прерывистые крики заполнили воздух, тела распалили друг друга, Изабель стискивала его, а он затвердевал, повторяя цикл.

Она безжалостно выдоила его до последней капли, и Мак склонился над ней, изгибая свое тело так, чтобы вторить дуге ее тела, прижимая ее к себе и усаживая на свои лодыжки. Постепенно его бедра начали сами собой двигаться, и мучительные вздохи Изабель сообщили ему, что она почти истощена. Судороги постепенно стихли, как и ослепительный экстаз, накрывший его. Наконец, Мак ослабил хватку на талии Изабель и опустил ее на кровать. Ее грудь раздувалась как меха, и он невольно посмотрел на то место, где видел себя, но потом рухнул рядом с ней на кровать.

Подушки очутились у их ног, но ни один из них не пошевелился.

— Я люблю тебя, Мак, — прошептала Изабель, хотя ее дыхание все еще оставалось прерывистым и хриплым. Мак открыл глаза и повернул голову к ней, но ее глаза оставались закрытыми, она не шевелилась. — *И я знаю, что ты любишь меня. Знаю...* — ее голос дрогнул, из уголка глаза скатилась слезинка. Изабель сделала глубокий вдох. — Видение...

— *Изабель,* — тихо сказал Мак, мгновенно разворачиваясь к ней и прижимая ее к груди. — Забудь о видении. Завтра мы поедем к Бену, — он помедлил, чувствуя, как живот сдавило узлом. — Потому что я *действительно* тебя люблю.

Когда ее руки обвились вокруг него, и Изабель зарылась лицом в его грудь, Мак почувствовал ее кивок, поглаживая ее волосы.

Вот как все пришло к этому, подумал он. *Я должен достаточно сильно любить ее, чтобы рискнуть ее потерять.*

Прентисс приехал ни свет, ни заря, встав с первыми лучами солнца, потому что на нанесение грима на все тело требовалось полтора часа. И ожидание оказалось недолгим, потому что она была там — *Изабель*.

Она вошла через главные двойные стеклянные двери, зеленое платье всколыхнулось от порыва воздуха. Похоже, с ней был тот же агент, хотя сложно было сказать. Они все выглядели так одинаково в своих консервативных костюмах. Прентисс широко улыбнулся. Копы тоже выглядели одинаково. Все видели только униформу. Агент и Изабель прошли мимо него, даже не взглянув.

Сегодня будет день X.

Прентисс последовал за ними, держась на расстоянии нескольких шагов, пухлый конверт был зажат под рукой. Молодая мать с ребенком в коляске присоединилась к процессии прямо перед ним. Очевидно, все они направлялись к лифту. Добравшись до места, они присоединились к группе уже ожидающих. Как всегда, в здании Федерального Бюро был напряженный денек.

Стоя с краю, Прентисс видел Изабель в профиль. Она надела подходящие перчатки, и он заметил, как она вцепилась в руку агента. Между ними что-то было? Прентисс склонил голову, как раз когда лифт громко звякнул.

Когда последние приехавшие на лифте вышли в коридор, Прентисс жестом пригласил мать и ребенка пройти вперед и быстро последовал за ними. Он хотел быть в задней части лифта. Хоть он повернулся лицом к двери и увидел, как заходит Изабель, он опустил взгляд в пол, чтобы она не видела его лицо.

Грим, крашеные волосы и костюм — все это великолепно, но зачем рисковать?

Пожилой человек последовал за ним и встал между ним и Изабель, так что Прентисс слегка сдвинулся вправо. Когда Изабель вошла и начала разворачиваться, Прентисс хорошенько ее осмотрел. Сегодня ее платье доходило до середины бедра, и когда она повернулась, его взгляд прильнул к ее колену, хотя оно быстро скрылось из виду. Он невольно усмехнулся, чувствуя, как театральный клей стягивает кожу под фальшивыми усами.

Но как только остальные люди постепенно наполнили лифт, и толпа сжалась плотнее, Прентисс с изумлением осознал, что агент, сопровождавший Изабель, смотрит на него.

Прентисс застыл, его разум полностью опустел.

Хоть Прентисс мог полагаться только на периферийное зрение, он был уверен, что взгляд мужчины оставался прикованным к нему. Прентисс медленно поднял подбородок и посмотрел на меняющиеся числа над дверью, и агент сделал то же самое.

Прентисс медленно выдохнул, мельком взглянул на затылок мужчины и снова на меняющиеся числа, как только лифт звякнул и начал замедляться. Они собирались остановиться на третьем этаже.

Он смотрел на меня?

Медленная струйка пота начала стекать по спине Прентисса к пояснице.

Дерьмо, этот грим водостойкий или нет?

Внезапно радость погони превратилась в мучительную поездку на самом медленном лифте в мире. С этого момента Прентисс не отводил взгляда от меняющихся цифр.

Пассажиры входили и выходили на каждом этаже.

Он смотрел на меня?

Прентисс поправил конверт под рукой, чтобы тот не намок от пота.

Возьми себя в руки. Когда они выйдут, ты должен тоже выйти. Ты должен посмотреть, куда они идут.

Но в данный момент Прентисс сомневался, что может заставить ноги сдвинуться с места, не говоря уж о том, чтобы выйти. Он посмотрел на свои блестящие черные кожаные туфли.

Так вот что такое страх сцены?

Прентисс слышал о таком, но никогда не испытывал ничего подобного. Он любил свет софитов. Но когда лифт добрался до седьмого этажа, и дверь открылась, Изабель и агент зашевелились.

Они уходят!

Ощувив приступ паники при мысли о том, чтобы потерять свой шанс — возможно, свой единственный шанс, после всех приготовлений, после всех затрат — Прентисс решил.

Он прочистил горло.

— Прошу прощения, — сказал он пожилому мужчине перед собой.

Через стекло Мак видел, что Диксон и его капитан уже ждут, попивая кофе в конференц-зале. Бен еще не пришел.

Возможно, это удачный момент, чтобы переброситься парой слов наедине.

Хоть Мак и подождал, пока сержант представит их капитану, он не стал садиться.

— Позвольте мне узнать, что задержало Бена, — сказал он.

Брови Изабель на секунду сошлись вместе, но потом она улыбнулась ему. Диксон и его босс, наверное, ничего не заметили. Но выйдя из комнаты и обернувшись еще раз на Изабель, которая смотрела ему вслед, Мак знал, что должен прояснить это с Беном.

Прентисс миновал собравшуюся в конференц-зале группу и продолжил идти по широкому и почти пустому коридору. Планировка была похожа на другие этажи, которые он патрулировал, и он направился напрямик к уборным. У писсуаров был один мужчина, но кабинки пустовали. Хоть он и не практиковался, Прентисс раз за разом прогонял это у себя в голове.

Он прошел в кабинку, закрыл дверь и тихо положил конверт на пол. Затем он потянулся за бачок унитаза и перекрыл воду, до упора выкрутив прозрачный пластиковый вентиль по часовой стрелке. А потом нажал на смыв.

Вода в бачке смылась, но новой воды не поступило, и через считанные секунды его хранилище было готово. Он слышал, как снаружи кабинки мужчина возле писсуаров ушел, но Прентисс все же быстро нагнулся и проверил, что нигде не виднеется ничьих ног.

Вот оно.

Он схватил конверт, отодрал верхнюю часть, не заморачиваясь металлическим зажимом, и бросил на пол смесь для фейерверков и старую футболку.

Хоть он вырос на М-80, которая по шуму могла сравниться с вторжением целой армии, их больше не достать. Вместо этого ему придется довольствоваться мини-бомбой — по сути, картонным патроном с фейерверками внутри. Патрон был рассчитан на один шар диаметром один дюйм с запалом, но Прентисс уже закинул три шарика. Он установил патрон у основания туалетного бачка и поспешно обмотал его поношенной футболкой, запечатывая так, чтобы торчал только фитиль.

Опыт научил его, что чем прочнее запечатать взрыв, тем громче будет грохот. В его детстве множество туалетных бачков со свалки разлетелось в пыль.

Прентисс вытащил из кармана зажигалку и открыл дверь кабинки. Все еще никого. Он быстро подпалил фитиль, и когда тот громко зашипел, он побежал.

Изабель сидела в напряженной тишине конференц-зала с сержантом Диксоном и капитаном Атакава, статным азиатом со стрижкой-ежиком, возможно, лет пятидесяти, одетым в темно-синий костюм. Хоть капитан и бросил несколько взглядов на ее перчатки, он ничего не спросил. Она тоже не стала объяснять. Скорее всего, сержант Диксон...

Грохот взрыва, сопровождавшийся дрожью пола и дребезгом стеклянных стен, заставил Изабель вздрогнуть и вцепиться руками в стол перед собой.

— Что за... — заорал капитан, вскакивая на ноги.

— Это был взрыв, — крикнул Диксон, следуя за капитаном к двери.

Изабель тоже поднялась.

— Нет, — Диксон выставил перед ней ладонь. — Оставайся здесь. Позволь мне сначала узнать, что происходит. Я сейчас вернусь.

Толпа людей повалила в коридор. В считанные секунды сержант и капитан исчезли в море униформ и костюмов, бежавших к месту взрыва.

О боже мой, подумала Изабель. *Где Мак?*

Она схватила свою сумочку и как раз вытаскивала телефон, когда в двери конференц-зала влетел запыхавшийся офицер полиции.

— Изабель де Грей? — пропыхтел он, задыхаясь.

— Да? — отозвалась она, убирая телефон.

— Меня послал сержант Диксон, — сказал он, беря ее под руку. — Мы эвакуируемся.

Лифт остановился так резко, что Маку пришлось низко пригнуться, а молодой человек в углу потерял равновесие и плюхнулся на задницу.

Они услышали взрыв секундами ранее. За пределами лифта взревела сирена, красная лапочка экстренного выхода на панели лифта начала мигать. Мак встал и посмотрел на индикаторы над дверью. Ни одна из цифр не горела. Последняя цифра, которую он помнил — это одиннадцать. Он направлялся на семнадцатый этаж, чтобы встретиться с Беном.

— Мы застряли?

Мак повернулся к молодому человеку, который сумел встать, но оставил рюкзак на полу. Он выглядел так, будто ему от силы исполнилось двадцать.

— Ненадолго, — сказал Мак. По крайней мере, парнишка вроде не паниковал. Мак

снова посмотрел на индикаторы лифта. Все еще ничего. Он нажал на красную кнопку с белым символом телефонной трубки. — Лифт, наверное, запрограммирован на остановку при резком толчке, — он проверил освещение на потолке лифта. — Электричество не пропало, так что это не перебои с сетью.

— Значит, все хорошо?

Мак кивнул ему и улыбнулся.

— Все хорошо.

Хоть Мак говорил медленно и небрежно, чтобы успокоить своего спутника, его разум лихорадочно метался.

Был взрыв.

Где Изабель?

Прентисс буквально тащил Изабель за собой по лестницам. На лестничном проеме царил хаос. Люди наводнили его со всех сторон, а когда они добрались до первого этажа, стало еще люднее. На это и рассчитывал Прентисс. Изабель не задавала вопросов, просто делала, что ей сказано. Хоть он чувствовал вокруг себя панику, толпа все равно двигалась в спокойном темпе, толчки и пихание в основном исходили от пожарных, которые устремлялись наверх в противоположном направлении.

— Очистить здание! — кричали они, поднимаясь.

Как только они ворвались в переполненное лобби, Прентисс крепче сжал руку Изабель, но почувствовал, как она начинает сопротивляться.

— Я должна найти Мака! — закричала она.

Он обернулся на нее — янтарные глаза пылают, губы приоткрылись, тяжело дыша.

— Мы должны очистить здание, — крикнул он в ответ, используя только что услышанную реплику.

Убедил он ее или нет, Прентисс не знал, но Изабель снова ускорила шаг. Когда толпа устремила к двойным дверям, Прентисс тоже протолкнулся через них. Спустя несколько долгих минут толкотни прижатых друг к другу тел, криков и воплей людей, и пожарных, пытавшихся пробраться внутрь, они оказались снаружи.

Теперь Прентисс бежал, не желая упускать момент.

— На парковку, — крикнул он через плечо. — Весь путь свободен.

Он видел там свой белый седан — над которым так упорно работал. Он прикрепил на болты бампер-толкач^[1], купленный на рынке запчастей, а на крышу прилепил пару антенн на магните. Если не присматриваться слишком близко, все выглядело как немаркированная полицейская машина, хотя он и не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы парковаться рядом с другими машинами правоохранительных органов.

Толпа заметно передела. Многие люди останавливались, чтобы обернуться на здание или сделать фото на телефон. Лишь немногие направились к своим машинам, и то они быстро забирались внутрь. Прентисс почувствовал, как Изабель вырывается из его хватки.

— Я позвоню Маку, — закричала она.

Прентисс замедлился до быстрого шага, тяжело дыша, но продолжая тащить ее за собой. Машина была всего в нескольких ярдах.

— У меня есть рация в машине, — сказал он, не поворачиваясь к ней. — Это будет быстрее, чем телефон. Все застопорится.

Изабель не отставала от него и пыталась вырвать руку.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Можете отпустить.

Они почти добрались до машины.

— Не совсем, — сказал он, протягивая руку к своему служебному ремню.

Хоть пистолет был ненастоящим — всего лишь пневматическое оружие с пустым магазином — наручники и дубинка были настоящими. Прентисс отстегнул кожаную петлю на дубинке и взял ее левой рукой.

Изабель обернулась на здание. В воздухе выли сирены, и пожарные машины всех форм и размеров присоединялись к тем немногим, что уже были на месте.

Где Мак?

Как она найдет его во всем этом хаосе?

Оставалось надеяться, что офицер полиции был прав.

Но как только они добрались до машины, ее телефон зазвонил. Это был рингтон Мака!

Хоть и услышав вой сигнализации одновременно с открытием двери, Изабель не повернулась. Она пыталась достать телефон из сумочки, как вдруг осознала, что они остановились у задней части машины, и ее багажник открыт. Она как раз подумала о том, каким пустым он выглядел, когда резкий удар по затылку сшиб ее вперед, и весь мир погрузился во тьму.

— Что значит вы оставили ее одну? — заорал Мак во все горло.

Уши Диксона, кажется, сами собой прижались к его голове, но он не отшатнулся.

— Я прошу прощения, Мак, — сказал он, встречая его взгляд. — Сколько раз я должен это повторить?

Мак застрял в лифте на целый час, прежде чем аварийный техник сумел справиться с остановкой. К этому времени здание опустело. Попытки дозвониться до Изабель оставались без ответа. Мак проверил свою арендованную машину — одну из немногих, оставшихся на парковке. Но нигде не было ни следа Изабель.

— Мы не знаем, была ли она похищена, — сказал Бен.

— Ты не знаешь, — выплюнул Мак, резко разворачиваясь к нему. — Я знаю!

— Мак, — сказал Диксон. — Мы делаем все возможное.

— Этого недостаточно! — заорал Мак, меряя шагами конференц-зал.

Они уже послали патрульную машину в ее квартиру. Она была еще в пути, но Мак уже знал, что они найдут. Ничего. Изабель не уехала бы без него. Мак сменил направление и пошел в другую сторону, остановившись у стула, на котором сидела Изабель, когда он видел ее в последний раз.

Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, говорил он. Никогда не оставлять ее, обещал он. Никогда ее не терять, клялся он.

Он посмотрел на пустой стул, смотря сквозь него.

Его худший кошмар воплощался в жизнь.

Хамелеон похитил Изабель.

Прентисс смотрел, как глаза Изабель медленно открываются. Изумительный янтарь зрачков выглядел почти как настоящий камень. Ей потребовалось несколько секунд, она медленно моргнула раз, другой, но в конце концов попыталась шевельнуть руками. Наручники брякнули о тяжелую цепь.

Он уложил ее на спину на металлическую койку. Койка представляла собой всего лишь тяжелую металлическую полку с дырками размером с шар для гольфа, и крепилась к стене гигантскими шарнирами, дававшими возможность поднять ее или опустить в положение для сна. В данный момент она была опущена, и толстые крепкие диагональные металлические цепи у изголовья и изножья удерживали ее в горизонтальном положении. Он воспользовался тремя парами наручников — по одной для каждой руки, а третьей сковав ее лодыжки вместе. Петля цепи ныряла в одну из дырок в койке, и огромный навесной замок на цепи под кроватью удерживал третьи наручники на месте. Прентисс не хотел раскошелиться на ножные кандалы в магазине для взрослых. Одна рука была прикована к цепи койки возле ее плеча. Но другая рука свешивалась с верхней части цепи, где та крепилась к стене. Поза явно сбивала ее с толку.

Она попыталась пошевелить голыми руками и в этот раз посмотрела вверх.

Но она немедленно содрогнулась и резко, с шипением втянула воздух.

— У тебя на затылке знатная шишка, — сказал он дружеским тоном, начиная с роли доброго копа. — Должно быть больно.

Он подтащил металлический офисный стул и сел лицом к ней, развернув стул задом наперед, чтобы иметь возможность опереться руками на спинку.

Теперь ее глаза открылись по-настоящему, взгляд метнулся к ее лицу.

— Привет, Изабель, — сказал он, улыбаясь. — Добро пожаловать в камеру А35.

Он сидел вплотную к ней в крошечном пространстве, и его голос отдавался легким эхом в полностью металлической комнате. Решетки позади него были закрыты, но не заперты — механизмы, наверное, давным-давно убрали, чтобы никто не запер себя по неосторожности.

— Нет, — ахнула Изабель, дернув руками и ногами.

Это тоже больно, подумал Прентисс, все еще улыбаясь.

— Вижу, ты меня узнала, — сказал он. — Узнала мой голос по сообщению, которое я тебе оставил?

Он особенно гордился этим голосом.

— Пожалуйста, — произнесла она дрожащим голосом. — Ты не обязан это делать.

— Думаю, ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать обратное, — сказал он, расстегивая пуговку на левом кармане рубашки. Он надел латексные перчатки в ту же секунду, как она приземлилась в багажник. — Но готов поспорить, ты не знаешь, что я немного коллекционер, — он залез на дно кармана и вытащил толстую серебряную цепочку, покачав ею в воздухе. — Это принадлежало Эсме, — затем он встал и отодвинул стул. — С этого-то мы и начнем, — он наблюдал, как расширились глаза Изабель одновременно с ее приближением. Она извивалась на металлической койке, и цепь заскрипела даже под ее небольшим весом. — И думаю, ты знаешь, почему именно *Эсме*.

Она была единственной выжившей из его жертв, и все из-за Изабель.

— Нет, *пожалуйста*, — взмолилась она, пытаясь отодвинуться от него. — *Не надо*.

Он собрал цепочку в рыхлый шарик и опустил над ее ладонью, которую она тут же сжала в кулак. Прентисс усмехнулся. Пришло время плохого копа.

Обеими руками он медленно разогнул ее указательный палец, затем следующий. Ее рука дрожала, Изабель стонала от попыток удержать пальцы сжатыми, но она не могла сопротивляться. Нежная мягкая кожа ее ладони начала показываться, и Прентисс позволил цепочке упасть прямо туда.

— *Нет*, — ахнула она, и ее тело окоченело.

Ее глаза оставались открытыми, но они смотрели сквозь него, абсолютно расфокусировавшись. Ее диафрагма сжималась и расширялась в яростном ритме, Изабель тяжело дышала через приоткрытые губы. Внезапно она набрала полные легкие воздуха.

Прентисс приготовился к моменту, которого он ждал, о котором даже мечтал с самого случая с Эсме.

Изабель закричала — мучительный пронзительный вопль вырвался из самой сути ее души.

Ее спина бешено выгнулась. Наручники звякнули. И цепи заскрипели одновременно с самым изысканным звуком, который он когда-либо слышал, и который, казалось, никогда не закончится. Он буквально звенел в его ушах. Его тело вибрировало этим звуком. Безумное возбуждение пронеслось по его телу, как раз когда Изабель опять сделала большой вдох. Затем Прентисс сделал то, чего никогда не делал ранее. Он положил свободную руку на ее горло, когда она снова закричала.

О боже. Это очаровательно. Он чувствовал это, чувствовал все — ужас, боль. Это само воплощение *экстаза*.

Контрольный пункт на семнадцатом этаже Федерального Бюро в Вествуде был переполнен. Мак смотрел на взволнованные лица, болтовню и оживленные обсуждения, доносившиеся до него отдаленным гомоном. Отряд саперов быстро определил, что многоцветная смесь для фейерверков была заложена в туалете на восьмом этаже. Все оказалось так чертовски просто, что Мак едва не рассмеялся — *едва*.

И смелость.

Мак стиснул зубы.

Хамелеон нанес удар быстро и прямо на их поле. Это не просто наглость. Это граничило с самоубийством.

— Ладно, народ, — заорал Мак, заглушая гомон. — Успокойтесь. *Успокойтесь*, — он подождал несколько секунд. — Мне нужно ваше *внимание*, люди.

Постепенно в группе воцарилась тишина.

— Давайте пройдемся по комнате и посмотрим, что у нас есть, — сказал Мак, вставая перед огромной стеклянной доской. Фото каждой из жертв выстроились в ряд сверху, и под каждым из них столбиком перечислялась информация. Фотография Изабель сейчас занимала место с правого края.

— Сержант Диксон, — сказал Мак.

Диксон встал из-за стола, за которым сидел, и прочитал записи в блокноте.

— По госпиталям ничего, — доложил он. — Если Хамелеона лечили от травмы колена, это было не в округе Лос-Анджелес. Охват просмотренных записей варьируется, но некоторые доходят аж до 1980-х, — он посмотрел на Мака. — Нет совпадений. Мы знали, что шанс мал.

— Что насчет отпечатков перчатки?

Диксон покачал головой. Отпечатки, оставленные Хамелеоном на инструментах, которые он использовал на Анджеле, отпечатались на скальпеле прямо через тонкий латекс его перчатки.

— Нет совпадений, — сказал сержант. — У него нет сведений о судимости, зарегистрированного оружия, доступа к секретным данным, и он не числится ни в одной базе данных.

— Ладно, — сказал Мак, кивая. — Здесь никакой помощи, — он сделал пометку на стеклянной доске. — Бен?

Хоть Бен по факту занимал положение выше Мака, этим расследованием руководил Мак. Бен отвечал за координацию с Куантико.

— Пока никаких результатов по неопознанному веществу на теле Анджелы, — сказал Бен. — Лаборатория все еще пытается найти совпадение, — Мак сделал очередную пометку на доске. — Они закончили цифровую модель внешности, — продолжил Бен, указывая на ленту факса, приколотую в нижнем правом углу доски.

— Это должно быть в телефоне каждого, — сказал Мак, в сотый раз глядя на изображение. *Казалось ли оно знакомым?* — Еще я хочу, чтобы его передали в аэропорты, вокзалы, автобусные остановки и все государственные учреждения. Не думаю, что Хамелеон в ближайшее время куда-то соберется, но чем больше мест его увидят, тем лучше. Кто об этом может позаботиться?

Откуда-то сзади донесся голос — женщина-агент, которую Мак узнал в лицо, но не знал имени.

— Я займусь этим, — сказала она, делая пометку.

— Хорошо, — сказал Мак. — Камеры видеонаблюдения?

Заговорил полностью одетый в серое агент-мужчина, сидевший в кресле на колесиках.

— Мы просматриваем записи, — сказал он, поигрывая зубочисткой, свисавшей из уголка его рта. — Там... *много*.

— Верно, — сказал Мак.

Толпы людей просачивались через каждую дверь, каждый коридор и каждый лестничный проем в здании. Чтобы просмотреть все записи, уйдет несколько дней, и нет гарантий, что Изабель будет в кадре — а не заслонится кем-то более высоким или толстым.

Мак сделал глубокий вздох.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я загрузил последний профиль преступника на сервер, — сказал он. — Там вы найдете все, — он медленно повернулся по кругу, обводя взглядом собравшуюся группу. — Но по сути все сводится к следующему: Хамелеон сливается с окружением, используя маскировку; у него имеются сексуальные мотивы, он серийный убийца, возможно, являющийся жертвой инцеста и перенесший травму колена, которую теперь воссоздает. Он достаточно умен, чтобы не оставлять улики до последнего случая, он хочет славы, и телевизионный охват — часть этого. Но он становится менее осторожным и более самоуверенным. Мы должны обращать внимание на небольшие детали, какими бы неважными они ни казались. Складываясь воедино, они дополняют общую картину, необходимую нам для поимки этого сукина сына.

Люди вокруг закивали. Все в этой комнате стремились к этому. Если Хамелеон не знал, что совершил ошибку, разозлив это подразделение, то он вот-вот об этом узнает.

Это просто было слишком аппетитным, чтобы не делиться. Прентисс посмотрел на неподвижный силуэт Изабель. Хоть боль была виртуальной, исключительно в ее экстрасенсорном видении, этого хватило, чтобы она потеряла сознание. Ее дыхание наконец замедлилось и стало ровным, а Прентисс осознал, какую драгоценность он заполучил.

Это может продолжаться бесконечно.

Нет нужды кромсать ее колено прямо сейчас. Он проделывал это раз за разом, просто заставляя ее смотреть, что он сотворил с другими жертвами. Они проделывали весь путь каждой из них, раз за разом, не проливая ни единой капли крови.

Прижимая телефон к уху и слушая, пожалуй, худшую фоновую музыку на свете, Прентисс быстро глотнул воды и опрокинул бутылку на лицо Изабель. Она почти немедленно захлебнулась, закашлялась и отвернулась от потока воды. Фоновая музыка умолкла.

— Диксон, — услышал Прентисс голос сержанта Диксона.

Когда они бежали к машине, Изабель дважды упомянула одно имя.

— Сержант, — сказал Прентисс. — Соедините с *Маком*.

— С кем я говорю? — спросил Диксон.

Прентисс улыбнулся и поставил бутылку из-под воды на стул, пока Изабель продолжала

кашлять.

— Офицер Феликс Агиляр, — сказал Прентисс, выуживая из кармана серебрянук цепочку. — Это... *срочно*.

— Подождите, — сказал Диксон, видимо, придерживая трубку и закрывая ее рукой. Раздались приглушенные голоса, кто-то обменялся репликами. Потом вернулась фоновая музыка, но в считанные секунды на линии появился другой мужчина.

— Это Мак, — сказал мужчина.

— У меня для тебя сообщение, — сказал Прентисс.

Затем он поднес телефон почти ко рту Изабель и медленно опустил цепочку на ее перевернутую ладонь.

— Нет, — закричала она. — Пожалуйста, нет!

Прентисс смутно расслышал крик Мака в динамике.

— *Изабель?* — заорал он.

Но его голос заглушил изумительный вопль боли, сотрясший все тело Изабель. Она извивалась на металлической койке, выгибая спину как гимнастка, наручники громко звенели. Ни одна жертва на сегодняшний момент не была настолько хороша. Прентисс не знал, в чем дело — то ли потому что они только что начали, то ли потому что экстрасенсорная боль была хуже реальной. Но ее мучительные крики наполняли комнату так, как он не представлял себе возможным. И хоть он мог бы наслаждаться этим вечно, он заставил себя поднять цепочку, и она мгновенно обмякла, ее дыхание сделалось хриплым и неровным, напоминая стон.

Прентисс поднес телефон к уху.

— В новостях, — просто сказал он и повесил трубку.

Кулак Мака впечатался в стену и вломился в нее.

— Мак! — закричал Бен.

Они были в офисе Бена, когда поступил звонок. Мак так крепко стиснул трубку, что думал, что она сломается в его руке. Он едва не швырнул ее на пол, и даже теперь она болталась на витом проводе. Стену от стола разделял всего один шаг.

Мак посмотрел на дыру, в которой исчезло его запястье. Пыль штукатурки взвилась облачком и осела на черном рукаве его пиджака. Ощущения боли не было. Более того, Мак подавлял желание выдернуть кулак обратно и сделать это еще раз.

Он ощутил на плече руку Бена.

— Убери, — прорычал Мак сквозь стиснутые зубы. — Свою. Руку.

Изабель проснулась от боли — но не боли от видения. Вместо этого, она чувствовала себя измученной. Ее руки ныли и затекли, запястья и лодыжки болели от синяков. Она открыла глаза, чтобы посмотреть на руки, и поняла, что вокруг темно. Она взглянула на пустой стул рядом с кроватью, и ее омыло облегчением. Хамелеон ушел.

За решетками двери ее тюремной камеры находился коридор с окнами высоко под потолком. Лишь приглушенный лунный свет пробивался через запачканное стекло, но ее глаза постепенно начинали различать детали. Огромная трафаретная надпись «А35» виднелась на противоположной стене. Изабель лежала на чем-то жестком, прикрепленном к металлической стене двумя огромными цепями. Наручники были продеты через огромные звенья цепи, и Изабель видела на своих запястьях не только синяки, но и порезы.

У задней стены находился небольшой писсуар, но в остальном комната была пуста, если не считать металлического стула с разодранной пластиковой обивкой. Это напомнило ей о госпитале Линда Виста — ветхий, темный, грязный и заброшенный. Изабель задрожала, когда перед глазами встали непрошенные образы операционной и обескровленного тела Анджелы.

— О Боже, — прошептала она, замуривая глаза.

Вот как я умру?

Горячие слезы собрались под закрытыми веками и начали катиться по ее щекам к ушам. Боль Эсме и пропитанный кровью ковер в церковном подвале стали до ужаса живыми и реальными.

Я окажусь в центре нового ужасного места преступления?

Но тут Изабель подумала о Маке, и ее глаза резко распахнулись.

— Нет, — прошептала она.

Прямо сейчас Мак ищет меня. Он делает все, что в человеческих силах.

Она могла представить его, работающего с сержантом Диксоном и Беном. Он не остановится. Он не станет спать. Образ его лица, мрачного и собранного, каким он был в офисе Бена, встал перед ее глазами. И хоть раньше ее это пугало, сейчас Изабель нашла этот образ на удивление успокаивающим.

Если кто и найдет меня, то это Мак.

Но Маку нужно было время. Она осмотрела тюремную камеру — так похоже на Линда Виста, и в то же время нет.

Мне нужно время.

Чего бы это ни стоило, она должна задержать Хамелеона. Она устала сидеть на стуле, на котором он сидел.

Или задержать его, или умереть.

— Поторопись, Мак, — прошептала Изабель.

Мак стоял в центре гостиной Изабель в латексных перчатках. Кэмден Гоулд, ночной ведущий новостей на KTLA, осветил историю о последнем похищении Хамелеона. Фотография Изабель из предыдущего эфира и новая ориентировка Хамелеона мелькали на

экране. Учитывая три похищения и одно брутальное убийство, к утру город накроет паника. Давление оказывалось со стороны каждого правоохранительного агентства в Лос-Анджелесе, со стороны Куантико и даже Вашингтона.

Но не существовало такого давления, которому Мак уже не подверг себя. В этот самый момент Изабель находилась где-то там совсем одна, как остальные жертвы. Хамелеон, несомненно, смотрел новости.

— Изабель, — пробормотал Мак.

Он подвел ее.

Точно так же, как он подвел Линн.

Латексные перчатки издали тихий скрип, когда он сжал руки в кулаки.

Линн умерла, потому что он позволил своим чувствам к ней затмить его рассудок. Она была ключевой свидетельницей в деле против русского синдиката убийц, он использовал ее знания, чтобы помочь обвинению выстроить дело. Он профилировал обвиняемого, опираясь на показания Линн.

Но они влюбились, и даже сейчас ее смерть являлась зияющей раной, которая никогда не заживет. Он никогда не узнает, что могло бы быть — никогда не узнает, мог ли он ее спасти. Мафия сумела добраться до нее даже под охраной. В то время Бен сказал ему, что Мак не смог бы ничего поделать.

Но профайлер должен был это предвидеть.

— Я должен был предвидеть и это, — прошептал он, глядя в сторону закрытой входной двери, дивана и коридора, который вел в спальню.

Но Изабель стала для него наркотиком, сначала — дорожкой, уведившей прочь от боли и одиночества, а потом — всепоглощающей зависимостью.

Направившись в спальню, Мак снял пиджак и галстук, натягивая перчатки для осмотра. Он включил свет в спальне, бросил пиджак с галстуком на кровать и закатал рукава.

Изабель еще не потеряна.

Несмотря на то, что связь между Хамелеоном и Изабель происходила из дела Эсме, виктимология диктовала, что Маку предстояло сделать свою работу. Он должен был составить профиль на Изабель.

Понимание жертвы вело к пониманию преступника.

Мак подошел к небольшой гардеробной и дернул за длинный шнурок, включивший лампочку под потолком.

Одежда и туфли Изабель были тщательно организованы. Мак позволил руке скользнуть по ряду платьев, некоторые из которых были ему знакомы. Сегодня она надела его любимое, зеленое. Вот почему он купил ей зеленые перчатки. Но в данный момент его интересовала не одежда. Хоть Маку было известно, что она не вела дневника или ежедневника — насколько он знал по своим непродолжительным визитам — здесь могли находиться другие улики.

На полке над одеждой лежало несколько сумок, серая фетровая шляпа, соломенная шляпка от солнца и рулоны оберточной бумаги. Обычный набор предметов, которые редко используются и так же редко приносят пользу. Мак присел, чтобы посмотреть, что находится рядом с обувью — обувная коробка с пометкой «фото».

Вот это уже ближе к делу.

С самого начала Мак заметил, что Изабель не развешивала фотографии по квартире. Он снял крышку и положил ее на пол. Бумажные пакеты с фотографиями и негативами были

неровно сложены в две стопки. Он открыл один из пакетов сверху и быстро просмотрел содержимое. С легким уколом вины Мак пролистал фотографии какого-то мужчины, позировавшего у перил на фоне знака Голливуд. Мак задержался на кадре, где Изабель и этот мужчина были вместе — их головы прижимались друг к другу, они улыбались и фотографировали сами себя. Темноволосый и синеглазый, он не настолько походил на Мака, как Изабель походила на Линн, но определенное сходство имелось.

Мак невольно улыбнулся, глядя на счастливое лицо Изабель. Он перевернул фотографию. Она была напечатана почти три года назад. Мак убрал ее обратно и открыл следующий пакет. Серии фотографий с дней рождения с друзьями, визитов в ресторан, Диснейленд, и время от времени там промелькивал мужчина из первой стопки. Но отложив эту стопку в сторону, Мак проигнорировал все фото из второй стопки и перешел сразу к дну стопки — месту, где обычно находились самые важные фотографии.

Открыв пожелтевшую картонную папку, Мак осознал, что смотрит на семейные фотографии. Изабель — еще маленькая девочка с мужчиной, который, должно быть, был ее отцом, стояла перед ступенями, ведущими к многоквартирному дому. Он держал ее за голую руку, и Мак невольно залюбовался. Но матери не было. Ни сестер, ни братьев. Мак быстро просмотрел остаток фотографий. Старшие классы — без перчаток. Колледж — с перчатками. Молодой человек, который, видимо, был бойфрендом, Изабель смотрела на него, тогда как он сам смотрел в камеру. Из этого состояла большая часть фотографий.

Мак присел на корточки.

Ее мать, должно быть, рано умерла, возможно, в родах, и ее воспитывал отец. Ее экстрасенсорные способности проявились между старшими классами и колледжем. Большая часть фото относилась к периоду до этого. С тех пор, как появилась ее способность читать предметы и людей, у нее было два бойфренда. А за последние три года... ничего. Ни разу за все то время, что Мак знал Изабель, ее телефон не звонил по какому-то поводу, кроме работы, и даже это случалось редко.

Мак убрал фото обратно, выключил свет и перешел к небольшому столу в углу спальни. В среднем ящике лежала чековая книжка — счета за коммунальные услуги, ремонт туфель, аренда. Он достал черный календарь с разворотами по месяцам. В этом месяце было только два визита, один из которых — «Оливос». Должно быть, это Анита, жена Бена — и причина, по которой Мак познакомился с Изабель. Ее ложное признание на телевидении дорого ей обошлось. Мак пролистал вперед и не нашел ничего — а нет, подождите, в октябре, 23-го — одно слово «папа». В последних фото о нем ничего не было. Дата смерти.

Мак пролистал к началу года — больше фамилий клиентов, стоматолог, но никаких имен, никаких друзей. Он положил календарь на место.

Изабель одинока.

Он просмотрел другие ящики и нашел канцелярские принадлежности, а в нижнем ящике лежал большой конверт. Открыв его, Мак вытащил толстый диплом цвета слоновой кости.

— Психология, — вслух прочитал Мак.

Была ли это базовая специальность, которую получали студенты, не выбравшие направление? Каким-то образом Мак почувствовал, что нет. Он покосился обратно на шкаф. Ее экстрасенсорные способности пришли до колледжа. Степень по психологии помогла бы ей работать с клиентами. Или, возможно, являлась частью понимания своего дара.

Мак невольно слегка улыбнулся.

Психология — это хорошо. Это могло помочь.

Он убрал диплом обратно и закрыл ящик. В комодике Мак заглянул в дальний угол ящика с нижним бельем, но ничего не нашел. Но открыв ящик с перчатками, он помедлил. Мак понимал, что она носила разные, но не осознавал, что их было так много. Он взял знакомую ему серую пару мягких перчаток.

Изабель умела выживать. Она не убежала от своего дара. Она убежала от людей.

Мак провел тыльной стороной пальцев по рядам перчаток, слева направо. Она сказала, что прочтение Мака положит конец их отношениям. Он вспомнил выражение ее лица, когда он сказал ей прочесть его — страх. Мак положил льняные перчатки в ряд с остальными.

Она готова была выступить наживкой для поимки серийного убийцы, который упивался пытками. Вопреки тому, что она видела на местах преступлений и считывала с предметов, Изабель была достаточно храброй, чтобы согласиться на план Бена. И все же мысль об окончании их отношений была для нее невыносимой.

Она храбрая, подумал Мак, закрывая ящик. Она умная. И она умеет выживать.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале над комодом.

А Хамелеон?

Он думает, что нашел похожую на остальных. Но нет. Изабель — не такая, как они. Она будет бороться за выживание. Ему стоило придерживаться схемы и выбрать более юную жертву. Он не осознавал, что оставил отпечаток пальца, засветился на камерах в госпитале и, скорее всего, на видео из здания ФБР. Но одно не изменилось: его жажда скандальной известности.

Мак застыл на месте, когда очередной кусочек головоломки встал на место.

Скорее всего, не изменилась еще одна деталь. Убийца был Хамелеоном, который использовал костюмы, чтобы слиться с окружением. В здании ФБР выбор сужался всего до нескольких вариантов. Должны иметься магазины костюмов, формы.

Хотя на дворе уже стояла полночь, Мак вытащил телефон и набрал Диксона.

— Держись, Изабель, — пробормотал он. — Держись.

Изабель не спала уже несколько часов к тому времени, когда пришел Хамелеон. Она несколько раз ненадолго задремала, но боль от оков она не могла игнорировать. Однако бодрствование ей помогло. Она заставила свой разум вспомнить все, что Мак когда-либо говорил ей о Хамелеоне.

Но когда он неспешно шел по коридору снаружи, его ботинки отбивали медленный, но ровный ритм, Хамелеон насвистывал. И к шоку Изабель, этот звук мгновенно выбил ее из колеи. Она не узнала небрежный и легкий мотивчик, но мгновенно покрылась потом. Как будто близящаяся боль стала нормальной, ожидаемой и абсолютно рутинной.

Изабель левой рукой стиснула толстую цепь, удерживавшую металлическую койку. Где-то ночью она осознала, что если держаться за эту цепь, то это облегчает натяжение наручников на запястье. Его шаги приближались.

Вся та решительность, которую Изабель выстроила в одиночестве, испарилась.

Веселое посвистывание становилось ближе.

Прекрати, подумала Изабель, зажмуривая глаза. *Прекрати этот звук!*

Как будто отреагировав на нее, он умолк, и Изабель осознала, что он стоит за дверью камеры.

— Доброе утро, Изабель, — сказал он, широко улыбаясь и открывая скрипящую дверь. Она содрогнулась совершенно против своей воли. — А, вижу, ты уже готова начинать.

Всю ночь во тьме и холоде Изабель думала об этом моменте и о том, что она ему скажет — миллион вариантов. Но сейчас — *ничего*.

Хамелеон подтащил металлический стул по бетонному полу и сел на него как вчера — задом наперед. Изабель отодвинулась к стене, насколько это вообще было возможно.

Что говорил Мак? Думай, Изабель, думай!

— Кажется, я тебе не говорил, — начал Хамелеон, — какой у тебя изумительный голос.

Она уставилась на него.

Изумительный голос?

— Когда ты кричишь, — добавил он, опуская руку к ремню.

Изабель услышала, как что-то расстегнулось.

О боже. Он собирается начать заново. Думай!

Он поднял маленькую бриллиантовую сережку-гвоздик, показывая ее Изабель. Она поблескивала даже в молочном свете из грязных окон в коридоре.

— Это принадлежало...

— *Кому?* — завопила Изабель громче, чем собиралась. — Твоей матери?

Хамелеон неодобрительно нахмурился, как будто она дала неверный ответ на экзамене.

— Нет, — сказал он, растягивая слова, как будто стараясь быть терпеливым. — Это от...

— Потому что разве не с твоей матери все это началось? — произнесла Изабель дрожащим голосом.

Хамелеон склонил голову, вертя ей так сильно, что его лицо как будто крутилось по кругу.

— *Что?* — переспросил он.

— Это все секс, — ответила Изабель, видя, что слова приносят результат. — Разве не в этом все дело? — он стиснул сережку в кулаке. — Потому что это для тебя секс, —

продолжала Изабель. — Не так ли? Так ты расслабляешься, — Хамелеон медленно встал, не отрывая от нее взгляда. — Ты не можешь заниматься настоящим сексом, — сказала Изабель.

Она услышала, как сережка упала в кожаный футляр на его поясе, и защелкнулась застежка. Но когда он пинком отодвинул стул в сторону, Изабель осознала, что он держит в руке что-то новое. Это была короткая палка из черного металла, но как только он быстро взмахнул ею обрывистым режущим движением, она удлинилась с громким щелчком.

Ой-ой.

Его губы скривились в странной гримасе, которая выглядела почти так, будто он смеется, но он не сказал ни слова. Вместо этого он замахнулся металлическим прутом по голове Изабель. Ее правый локоть немедленно парировал удар. Прут отскочил в сторону, и пронзительный удар заставил ее запястье дернуться в наручнике. Но когда Изабель зажмурила глаза и спрятала лицо под согнутой рукой, внезапный удар по животу заставил ее захрипеть. Воздух вырвался из ее легких, боль затопила все тело.

Быстрая череда трех резких, жалящих, болезненных ударов по туловищу оставили Изабель совершенно бездыханной. Она пыталась приподнять ноги, но наручники прочно удерживали ее лодыжки. И хоть рука все еще заслоняла ее лицо, она утратила всю силу, едва умудряясь удерживать ее на месте. Комната бешено завертелась перед ее глазами, но Изабель попыталась изогнуть туловище, отвернуться от него, чтобы суметь дышать. Но когда прут снова опустился, и острая боль пронзила ее тело, мир быстро провалился во тьму.

С парковки у здания ФБР Мак поднял взгляд к семнадцатому этажу, где находился офис Бена. Но слушая гудки телефона и ожидая ответа Шэрон, он знал, что этот звонок Бену лучше не слышать.

Шэрон работала с ним над предыдущими двумя делами, руководя командными постами, пока они с Изабель искали улики. Но поскольку к этому делу привлекли весь штаб ФБР в Лос-Анджелесе, и командный центр расположился в здании Бюро, ей не было смысла лететь сюда.

— Мак, — сказала она, отвечая на звонок. — Надеюсь, это хорошие новости.

Он невольно улыбнулся. Прямо к делу. Ее специализацией являлось ситуационное управление и коммуникация, и это заметно.

— Нет, — ответил Мак. Он помедлил, обдумывая то, о чем собирался попросить. Но он уже принял решение и нырнул в омут с головой. — Мне нужна услуга.

— Выкладывай, — ответила Шэрон.

— Не торопись соглашаться, — предостерег ее Мак. — Ты еще не слышала, о чем я прошу.

— Ладно, — отозвалась Шэрон. — Я жду.

— Мы тут просто тонем в записях камер видеонаблюдения, — сказал Мак. — Уверен, ты можешь себе представить.

Детали похищения Изабель расплылись по всей стране, когда они осознали, что ее забрали у них из-под носа.

— Представляю, — сказала Шэрон, и Мак понимал, что это правда. Она работала с людской силой, которая просматривала записи из госпиталя, где была похищена последняя жертва.

— Это не произойдет вовремя, — сказал Мак. — Это физически невозможно.

— Согласна, — сказала Шэрон, отвечая кратко и все еще ожидая.

— Мне нужно компьютерное время, — сказал Мак.

На другом конце линии воцарилась пауза.

— Ладно, — медленно отозвалась Шэрон.

— *Большое* компьютерное время, — сказал он. — *Супер-большое*. Например, за компьютером, совместно разработанным ЦРУ и ФБР для Национальной безопасности. Ты знаешь такой.

Два агентства постоянно подвергались шквалу огня за то, что не сотрудничали, но обнаружили общую необходимость в децентрализованном сетевом супер-компьютере, который был достаточно большим и достаточно крупным, чтобы обрабатывать обширные объемы информации, которые становились хлебом с маслом для безопасности страны.

— Национальная безопасность, — произнесла Шэрон. — Я знаю кое-кого. Жаль, я работаю на ФБР.

Мак стиснул зубы. Он понимал, что просит о многом.

— Но я знаю тебя, Шэрон. У тебя есть связи в таких местах, о существовании которых большинство людей даже не догадывается. *Все* прошли твою программу. Ты обучала их *всех*. Мне нужно время на таком компьютере. Я могу передать тебе данные по оптоволоконной связи.

— Уверена, ты знаешь, — медленно произнесла Шэрон, — что смысл существования такого компьютера — *национальная безопасность*, — и не называя конкретной связи, осознавая, что этот звонок, скорее всего, будет записан и проанализирован тем самым агентством. — Уверена, что похищение серийным убийцей не входит в эту категорию.

Мак уставился на собственные ботинки и прошел к обочине.

— Я знаю, что ты права, — сказал он. — Говорил же не соглашаться слишком быстро.

Последовала долгая пауза.

— Пусть даже так, — наконец сказала Шэрон. — Я все равно заинтересована в твоих данных. Для учебных целей, разумеется.

Да.

— Я отправлю тебе их в течение часа.

Прентисс быстро вышагивал по коридору, косясь на камеру всякий раз, когда проходил мимо. Изабель не шевелилась. Она прерывисто дышала, сердце билось ровно, но вода, вылитая на лицо, ее не разбудила. Он посмотрел на лужицу под койкой. Он вылил на нее всю бутылку, и в конце концов, забеспокоился, что задушит ее.

Как нечто такое хорошее обернулось так плохо?

Он сменил направление и покосился на клетку.

Проснись!

Откуда она знала об его матери?

Он остановился.

Потому что она экстрасенс!

Он ударил себя по голове.

Идиот! Ну конечно!

Он почувствовал, как замедляется пульс, и сделал глубокий вдох. Потом он рассмеялся и покачал головой.

Ну конечно она знала об его матери. Она экстрасенс.

На мгновение он запаниковал — совсем как во сне, когда ты оказываешься голым посреди толпы.

Он снова рассмеялся.

Из камеры донесся тихий измученный стон.

Прентисс улыбнулся и повернулся к камере, снова контролируя себя.

— Не начинай без меня, — пожурил он.

Живот Изабель как будто горел огнем. Ее левая рука и запястье болели, болтаясь где-то над ней. Она попыталась пошевелить свинцовыми конечностями, но это оказалось слишком тяжело. Даже малейшее движение отдавалось агонией. Она даже не могла поднять веки — они слишком отяжелели.

Спи, подумала она. Именно это ей и нужно.

Внезапно что-то прижалось к ладони ее правой руки. Что-то острое.

— Нет, — ахнула Изабель, распахивая глаза и видя, что Хамелеон навис над ней. — Нет, — захныкала она. — Нет, нет, нет, — повторяла она, будто это было единственным известным ей словом. Но бесполезно. Видение началось.

Когда реальность и видение слились воедино, лицо Хамелеона продолжало нависать над ней. Его лихорадочные возбужденные глаза находились в считанных дюймах от нее. Она чувствовала его зловонное дыхание и осознала, что сидит на стуле. Но это не церковный подвал с Эсме. Изображение исчезло и сменилось чем-то похожим на вагон или фургон для переездов. Потом и это тоже исчезло, на нее нахлынула жажда, и она молила сохранить ей жизнь.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — умоляла она не своим голосом. Огромный нож мелькнул перед нею, от ужаса перехватило дыхание, и боль пронзила ногу.

— Прекратите! — кричала она. — *Прекратите!*

Уголком своего сознания Изабель пыталась вернуть контроль. Это не она. Боль в ноге — не ее боль. Она находилась в тюремной камере.

— *Вот что твоя мать сделала с тобой?* — заорала она, чувствуя, как лезвие разрезает колено. — *Вот какую боль она тебе причинила?*

Видение прекратилось.

Изабель почувствовала, как ее спина ударилась о металлическую койку, ощутила жжение в горле и легких. И когда серая завеса перед глазами почернела, Изабель услышала Хамелеона, как будто он орал на нее с огромного расстояния.

— Да! — кричал он.

Мак знал, что его могут уволить, но ему давно уже было наплевать. За несколько лет он не раз работал со специальным агентом Луисом Френчем до того, как Лу стал директором лаборатории ФБР в Куантико. Мак не знал, что вызвало задержку с анализом неизвестного вещества, найденного на одежде Анджелы, но он не собирался ждать.

— Мак, — сказал Лу. — Рад тебя слышать.

Мак стоял рядом со своей арендованной машиной, положив руку на крышу автомобиля и уставившись взглядом в асфальт.

— Лу, — сказал Мак, стараясь улыбнуться и заставить голос звучать бодрее. — Должно быть, одиноко там наверху, раз ты рад слышать меня.

Лу усмехнулся.

— Я и не представлял себе, — сказал он. — Я так далек от бюрократической пищевой цепочки, что дальше только чистить туалеты.

Мак заставил себя рассмеяться.

— Слушай, Лу, — сказал он. — Уверен, ты слышал о ситуации здесь, в Лос-Анджелесе.

— Хамелеон, — отозвался Лу. — Конечно. Ходят слухи о включении его в список самых разыскиваемых.

При обычных обстоятельствах это осчастливило бы следователя, но Мак не выказал никакого интереса. Лос-Анджелесский офис мог выдвинуть Хамелеона, а потом Отдел криминальных расследований пересмотрит назначение, и в итоге он мог оказаться в десятке или добавиться одиннадцатым, но у Мака не было на это времени.

— Я слышал об этом, — сказал Мак. — Но звоню не поэтому.

— Лабораторная работа? — спросил Лу.

— Ага. У меня есть кое-какие улики, которые торчат там уже неделю. Не знаю, в чем причина задержки, но мне нужно, чтобы кто-нибудь подстегнул процесс.

— Неделя, — сказал Лу. — Это довольно стандартный срок. У нас тут два взрыва, которые мы вот-вот раскроем — не считая твоего дела.

— Мне нужно, чтобы эта улика получила высший приоритет, — сказал Мак, вступая на опасную территорию.

— Я могу это устроить, — сказал Лу, и его голос сделался серьезнее. — С соответствующим разрешением.

— Оно у тебя есть, — соврал Мак. — Бен Оливос сказал, что договорится.

Бен ничего такого не говорил. Мак даже не спрашивал у него, зная наперед, каким будет ответ.

— Бен? — спросил Лу. — Ага, вы с Беном давно знакомы.

— Так и есть, — сказал Мак, и правда сделала это развешивание лапши на уши еще хуже. На другом конце линии возникла пауза. — Я подкреплю это документами как можно скорее, но это исходит напрямую от Бена. Нам нужно знать, что это за материал, где и кому его можно достать, — в его голосе звучала спешка, которую он сейчас испытывал. — Нужно как можно быстрее, Лу. Город в панике. Агенты в ярости, ведь похищение произошло на их территории. И нам нужно добиться прогресса: чего-то ошутимого, чего-то реального, с чем мы можем работать.

С чем я могу работать, подумал Мак. Что приведет меня к Изабель.

— Ладно, — сказал Лу. — Я посмотрю, как у нас успехи, и дам тебе знать.

Этого было недостаточно.

— Сегодня, — сказал Мак, и это прозвучало не вопросом, а утверждением.

Последовала очередная пауза.

— Сегодня, — наконец, ответил Лу. — Чистка туалетов может подождать.

Экстрасенс или нет, подумал Прентисс, *но этому должен прийти конец.*

— Проклятье! — выругался он, глядя на все еще неподвижную фигуру Изабель. Затем он резко отвернулся от нее, схватил стул и швырнул его в дверь камеры. — Проклятье!

Она была безупречно идеальной и в то же время невероятно ужасной.

Прентисс схватился за голову и принялся нарезать круги по тесной камере.

Что делать? Что делать?

Она говорила о его матери!

Он остановился перед металлической стеной и ударил кулаком по нарисованной трафаретом цифре.

Моей матери!

Лицо его матери встало перед глазами — лицо, которое он умудрялся отпихивать годами. Хорошенькая брюнетка с длинными волосами и не самыми невзрачными чертами. Но ее губы быстро скривились от ярости, ноздри раздулись, а глаза сузились до темных щелочек.

А потом в него вонзился нож.

Она целилась в его яички, но он двигался слишком быстро. Прентисс опять ударился о стену тюремной камеры, когда по нему опять с полной силой ударило воспоминание о ноже, погружающемся в его коленную чашечку и испаривающем бедро.

— Мама! — закричал он. — Моя нога!

Он соскользнул по стене, ладонями соскребая отслаивающуюся краску, и приземлился на пол на колени. Тяжело дыша, он крепко зажмурил глаза, пытаясь прогнать воспоминание.

Но было слишком поздно. То, что началось, должно завершиться.

Внезапно кухонный нож принадлежал уже ему, его руки подростка выбили оружие от оппонента, который уступал ему в размерах. Он вонзил нож в ее грудь.

— Сука, — заорал он, брызгая слюной. Ее глаза сделались дикими, рот скривился и распахнулся от боли. — Сука, — выдохнул он, когда она повалилась назад, и он сам упал сверху. Он смотрел, будучи не в силах отвернуться, тяжело дыша, пока в ее глазах гас свет.

Прентисс поморгал, глядя на стену тюремной камеры, его грудь тяжело вздымалась, собственные руки на металле — единственное, что удерживало его в вертикальном положении.

— Сука, — прошептал он, потирая колено.

Понадобились годы, чтобы научиться ходить без хромоты. Шрам болел, когда терся о внутреннюю сторону брюк, но он не мог носить шорты. Он не мог позволить кому-нибудь увидеть это. Красная и толстая, зазубренная и выступающая линия кожи, которая никогда не сгладится. И со временем становилось только больнее. Он приучился спать с подушкой возле колена, чтобы не давать одеялу касаться его. Он никогда не обращался к доктору. Это вызвало бы слишком много вопросов. Он перевязал сам себя, а потом сбросил тело матери в

болото за их лачугой. Наверное, тогда-то он и подхватил инфекцию.

Прентисс жестко потер шрам через черные слаксы, крепко прижимая ладонь — используя боль, чтобы вернуться в реальность. Он убил эту суку. Он убил их всех.

Он медленно перевел свой взгляд на Изабель.

Вместо боли Изабель первым делом ощутила дезориентацию. Что-то изменилось. Она медленно открыла глаза и вынуждена была прищуриться от яркого света.

Где я?

Попытавшись осмотреться, Изабель поняла, что поднимает голову. Она была запрокинута назад до упора, весила как будто миллион фунтов, и от этого болела шея. Когда она попыталась сесть прямо, ее подбородок едва не врезался в ее грудь, все тело резко дернулось, и ей пришлось остановиться.

— О, — пробормотала Изабель, ощутив, как запястья пронзило знакомой болью от наручников.

Когда она попыталась облегчить боль, приняв сидячее положение, до нее наконец дошло, что она находилась на стуле.

— С возвращением, — сказал Хамелеон.

Изабель медленно подняла голову, ее запястья, лодыжки и руки запротестовали от боли. Хамелеон стоял прямо перед ней, раздвинув ноги на ширину плеч, руками держась за широкий кожаный ремень и в целом выглядя комфортно. Они находились в коридоре. Камера А35 находилась справа, и теперь Изабель видела, что они находились на нижнем этаже двухэтажного тюремного отсека. Окна на стене слева находились высоко под потолком, и похоже, на дворе стоял полдень.

Хамелеон любезно улыбнулся и, не отводя от нее взгляда, открыл одно из кожаных отделений на ремне. Изабель содрогнулась при воспоминании о металлической палке. Ее ушибленный живот напрягся в ответ. Но он достал не палку. С нажатием пальца в перчатке и движением запястья лезвие ножа выдвинулось из рукоятки.

С поражающим осознанием Изабель поняла, что он собирался ее убить. Эсме была привязана к стулу, совсем как она сейчас. И даже зная, что это бесполезно, Изабель не могла не сопротивляться. Она не могла ни на дюйм пошевелить ногами, а руки только дергались за спиной стула.

Все обернулось против нее. Дыхание сделалось затрудненным, кровь шумела в ушах. Она пыталась потянуть время, но в результате только приблизила конец.

— Я могу прочесть другие объекты, — сказала она, бездумно выпалив эти слова. — Я могу еще страдать.

Хамелеон в ответ лишь широко улыбнулся.

— О, ты будешь страдать, — ответил он. — Поверь мне.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Пожалуйста, — попыталась Изабель. — Я не скажу больше ни слова.

— Я знаю, — согласился он и сделал еще один шаг.

Он возвышался над ней, металлическое лезвие блеснуло, когда он переменил хватку на рукоятке.

Вот и все, подумала Изабель. Я умру.

Лицо ее отца появилось перед ее глазами, печально улыбаясь.

Папочка?

Но его образ быстро сменился Маком — его сильным подбородком, сине-зелеными глазами, хмурыщимися бровями.

О, Мак. Ее глаза наполнились слезами, от чего его образ поплыл. *Мак, я должна была тебя прочесть.*

Она закрыла глаза и позволила слезам стекать по щекам.

Теперь слишком поздно.

Мак закрыл дверь в квартиру Изабель. Не имея ни единой другой зацепки, он решил еще раз просмотреть фотографии. Но как только он ослабил узел галстука, зазвонил его телефон.

Это был Лу.

— Лу, — сказал Мак.

— Театральный клей, — сказал Лу. — Это театральный клей.

Театральный клей? подумал Мак.

— Лаборанты быстро определили состав: спирт, смола и касторовое масло. Это было легко. Проблема заключалась в том, чтобы найти субстанцию, которая содержала бы все три элемента.

Театральный клей. Этим веществом пользуются, чтобы удерживать на месте накладные волосы.

— Мак? — повторил Лу. — Ты меня слышал?

Учитывая маскировку, которую использовал Хамелеон, чтобы слиться с окружением, это имело смысл.

— И где его можно достать? — спросил Мак.

— Ну, ты находишься в «горячей точке» для таких шгук, — ответил Лу. — Его должны продавать по всему Лос-Анджелесу, потому что там развита индустрия развлечений. Костюмерные магазины должны его продавать. И студии тоже.

Волоски на шее Мака встали дыбом. Что-то вдруг аукнулось в глубине души.

— Мак? — повторил Лу.

— Спасибо, Лу, — быстро ответил Мак и повесил трубку.

И студии тоже.

Он использовался для *грима*.

Мак уставился на телефон, на самом деле не видя его.

Госпиталь Линда Виста использовался для *съемок*.

Как и спасательная станция, где они нашли телефон Хамелеона.

Нет, не то. Мак крепче стиснул телефон. *Он не Священник и не Хамелеон.*

— Он актер, — сказал Мак.

Он актер определенного роста, веса и возраста, который знаком с госпиталем Линда Виста. Да! Его восхищение телевидением, славой. Продуманные костюмы.

Костюмы!

В здании Бюро можно одеться агентом, сотрудником паспортного стола или офицером полиции. Должно быть, он маскировался под офицера полиции ради костюма.

Мак ударил кулаком.

— Я тебя раскусил, — прошептал он. — Я тебя раскусил.

Внезапно он мыслями вернулся к той поездке на лифте с Изабель. Позади них стоял полицейский офицер. В то время Мак едва ли осознавал, что на Изабель смотрит другой мужчина — такое случалось нередко. Так часто, что он не уделил этому внимания, просто бездумно отреагировал, успокоившись, когда мужчина отвернулся.

Теперь Мак знал, почему новый составной портрет показался ему знакомым.

— Это был он, — сказал Мак, стискивая челюсти.

Смелость в выборе места, необходимость преследовать жертву, желание заполучить

славу.

Телефон зазвонил и завибрировал в кулаке Мака. Он ожидал, что это будет Лу, но нет. Звонила Шэрон.

— Это был коп, — сказали они хором.

— Что? — переспросила Шэрон.

— Найди снимок того копа-латиноамериканца для цифровой реконструкции и сбрось мне! — заорал Мак, резко скидывая звонок. Он быстро набрал сержанта Диксона.

— Сержант, — заговорил он, перебивая приветствие Диксона. — Где в Лос-Анджелесе снимают сериалы про копов?

Диксон на мгновение умолк.

— Ну, да повсюду, — наконец, ответил он.

— Нет, — сказал Мак. — Не где угодно. Подумайте о Линда Виста. Что-то заброшенное, уединенное, где никто не побеспокоит.

— Точно, — сказал сержант. Мак буквально слышал, как крутятся шестеренки в его голове. — Тогда тюрьма в Линкольн Хайтс. Там снимали «Секреты Лос-Анджелеса» и...

— Где это?

— Знаете что, — произнес сержант, начиная заражаться энтузиазмом Мака. — Это не так далеко от Линда Виста и университета Южной Калифорнии!

— Сбросьте мне адрес в сообщении, — сказал Мак, направляясь к двери. — Я в центре города. Здесь недалеко.

— Я пошлю подкрепление, — закричал Диксон. — Не выезжайте без подкрепления!

— Пришлите мне гребаный адрес! — приказал Мак, распахивая дверь и сбрасывая вызов.

Теперь *его* очередь преследовать жертву.

Прентисс поднял нож и ощутил знакомое возбуждение, когда глаза Изабель широко распахнулись.

— Я могу прочесть *тебя*, — закричала она. — Я могу почувствовать *твою* боль, — Прентисс уже начинал опускать лезвие, когда эти слова уложились в голове. Буквально в дюйме от ее колена нож резко остановился. — Разве ты не хочешь, чтобы кто-то тебя понял? — произнесла она дрожащим голосом. Он уставился на нее, стискивая челюсти. — *Твою* боль, — повторила она. — *Безграничную* боль. Разве не этого ты хочешь?

Его боль *действительно* была безграничной. *Весь* день. *Каждый* день. Никто не знал. Никто даже не подозревал. Он посмотрел на заплаканное лицо Изабель. *Но она может это почувствовать. Она узнает!*

Прентисс посмотрел на опущенный нож в своей руке. Ему необязательно отказываться от этого — можно просто отложить. Все тело Изабель дрожало, ее страх был настолько осязаем, что он его практически чувствовал. Он совершил фальшивый взмах ножом, смакуя ее резкий вскрик и то, как она дернулась на стуле.

Да. Возможно, ему не нужно торопиться с этим.

Он медленно сложил нож, хотя его сердце заколотилось в бешеном ритме.

Это убийство стало абсолютно уникальным.

Глава 10

Все в этом месте было идеальным, подумал Мак. Вплоть до поддельного автомобиля на парковке. Белый Форд Краун Виктория с добавленным бампером-«толкачом» и несколькими антеннами. Но регистрационный номер остался неверным. У него были штатские номера.

На это ушло всего двадцать минут, и если не считать Краун Вика, огромная парковка была пустой. Мак подъехал как можно ближе к зданию, припарковался и выскочил из машины. Он вытащил свой Glock из кобуры и побежал.

Изабель не могла сдержать дрожь. Наручники постоянно дребезжали. Хамелеон медленно описывал круги вокруг нее. Хоть он и убрал нож, ужас Изабель только возрастал. Руки оставались связанными сзади, и она никак не могла узнать, когда он ее коснется. Он двигался бесшумно, не торопясь, и чем дольше он медлил, тем сильнее становился омывавший ее страх. Кислотный привкус подбирался к горлу, и Изабель попыталась сглотнуть, чтобы ее не стошнило, но ее рот абсолютно...

Внезапно она ощутила давление на левую ладонь, и видение началось. Изабель видела себя, кричащую и извивающуюся на металлической койке. Ее разум отгородился от этого ужаса, но внезапно вмешалось другое удовольствие — наслаждение. Жестокая радость ворвалась в нее, и она знала, что Прентисс — таково его настоящее имя — действительно наслаждался созерцанием ее страданий. Образы удалялись в прошлое: ее тело в багажнике, проверка грима в зеркале, она с Маком в лифте, покупка фальшивого пистолета, шопинг в магазине для взрослых, покупка наручников, и потом Анджела. Изабель резко втянула воздух, когда Анджела умерла.

Прентисс был разочарован, потому что страдания закончились.

Анджела, подумала Изабель. По крайней мере, для нее все закончилось.

Внезапно Прентисс оказался на песке, глядя на колесо обозрения. Анджела визжала, когда в ее руку вжимался стетоскоп, и рука Изабель дернулась в ответ. Образы замелькали быстрее. Теперь это была Эсме, едва остававшаяся в сознании, когда кончик лезвия прижался к ее коже. Безграничная радость, переполнявшая Прентисса. Была и другая жертва, в темной ванной комнате. Она кричала. Ее крик эхом отражался от кафеля и стекла. Горло Изабель горело от довольных криков Прентисса. Одна жертва за другой, их боль, его эйфория, пока комната вокруг Изабель не закружилась. И тогда появилась она — мать Прентисса.

Женщина кинулась на него с маленьким кухонным ножом, и Изабель ощутила, как он опустился на ногу Прентисса. Она слышала звук, с которым разрывался сустав, почувствовала пульсирующую вибрацию, когда нож вошел до упора, а потом боль — невыносимая и нескончаемая.

— *Мама!* — заорала она невероятно высоким голосом во все горло, когда ощущение разрываемой плоти прошло по ее бедру. — *Моя нога!*

— Да! — завопил позади нее Прентисс. — Да!

Мак резко остановился и повернулся на звук.

Ошибки быть не могло.

— *Изабель*, — пробормотал он.

За воплем Изабель Прентисс едва расслышал топот ног. Но в конце длинного коридора появился агент с пистолетом. Прентисс немедленно пригнулся, и как только его пальцы перестали касаться ладони Изабель, ее крик умер.

— Шаг назад, — заорал агент, и Прентисс видел, что он держит пистолет наготове, а его бег замедлился до шага. Прентисс при виде этого едва не подпрыгнул и не побежал, но потом замер, прикованный к месту. Пистолет был направлен на него, но *к счастью* он находился позади Изабель, которая обмякла на стуле, и таким образом Прентиссу пришлось присесть. — Я сказал, *шаг назад*, — крикнул агент, все еще приближаясь.

Прентисс быстро покрутил головой в разные стороны, но вокруг были лишь пустые камеры, коридор перед ним и тупик позади.

Он в ловушке.

Но скорчившись за стулом и посмотрев на запястья Изабель, прикованные наручниками к стулу, он невольно подумал о самом напряженном, изумительном и прекрасном моменте его жизни. Он посмотрел на агента, который держал пистолет обеими руками, медленно приближаясь.

Погодите. Я его знаю. Это должен быть Мак.

Прентисс выглянул на него из-за плеча Изабель.

Он не может стрелять, потому что она находится на линии выстрела.

— Отойди от нее, — крикнул Мак.

Погоди, погоди, погоди, подумал Прентисс, успокаиваясь. *Кто здесь актер?*

Прентисс медленно поднес руку к кобуре, расстегнул ее и вытащил свое оружие. Встав, он навел его на Изабель.

— Бросай пистолет, — приказал он твердым и решительным голосом.

Мак резко остановился примерно в шести метрах от него. Прентисс улыбнулся его быстрой реакции и осознал, что усы отклеиваются из-за пота, ручьями стекавшего по нему. Он прижал усы на место, не отрывая взгляда от Мака и выжидая, что еще он сделает. Прентисс не мог похвастаться богатым опытом в театре импровизаций, но кое-что он умел. Просто это не было его любимым.

— Бросай оружие, — повторил Прентисс, в этот раз громче. И чтобы подчеркнуть свои слова, он приставил пистолет к виску Изабель и надавил. — Бросай, или она получит пулю!

Изабель застонала в ответ, и Прентисс не знал, что было тому причиной — она сама или сцена, которую он разыгрывал, но Мак поднял пистолет в воздух, свесив его с одного пальца.

— Как скажешь, — произнес Мак. — Ты здесь главный.

Прентисс невольно улыбнулся, хотя усы едва держались.

— Бросай пистолет, — приказал Прентисс.

Мак медленно подчинился. Он опускался ниже, пока не дотянулся до пола, и положил

оружие с тихим стуком. Прямо у своей ноги. Потом он встал.

Он держит меня за идиота?

Прентисс посмотрел направо.

— Пни его в ту камеру, — приказал он.

Хоть и не сразу, но Мак сделал, как ему сказано. Пистолет с громким стуком прокатился по бетонному полу и перелетел через порог.

Прентисс навел дуло пистолета прямо на грудь мужчины и вышел из-за Изабель.

Как *интересно* все складывалось.

Мак? подумала Изабель.

Голоса доносились так смутно.

Это ты?

Боже, как она устала. Так легко было бы просто уснуть.

Серая дымка видения рассеивалась медленно, но тут что-то прижалось к ее виску, и боль на самом деле помогла.

— Как скажешь, — произнес Мак. — Ты здесь главный.

Изабель попыталась покачать головой, но та казалась слишком тяжелой. И хоть она медленно приподняла свинцовые веки, она едва могла видеть свои колени сквозь дымку. Потом видения начали складываться воедино: Прентисс с его матерью, его жертвы, его работа в действии, еще больше жертв, его приготовления, все его костюмы.

— Брось пистолет, — сказал Прентисс.

Пистолет, устало подумала Изабель. Что-то насчет пистолета.

Но что?

Она снова попыталась покачать головой.

Я не могу думать.

— Пни его в ту камеру, — сказал Прентисс.

Но услышав стук пистолета по полу, Изабель вспомнила.

Если только его не ранят, у Мака имелся шанс спасти Изабель — *если только его не ранят*. Подкрепление должно быть уже неподалеку.

Хамелеон верен себе. Униформа копа производила впечатление. Как и абсолютно иной образ.

Мак напряженно всматривался в Изабель. Она была жива, но едва дышала.

— В камеру, — сказал Хамелеон, махая пистолетом и указывая им туда.

Мак бросил взгляд в ту сторону и осознал, что Изабель пошевелилась. Она медленно подняла голову, но ее отрешенный расфокусированный взгляд говорил о том, что она его не видит.

— Пистолет фальшивка, — выдохнула она и снова уронила голову.

Хамелеон резко взглянул на нее, а потом обратно на Мака. Выражение его лица выдавало все: злость, удивление и страх.

Когда он поднял пистолет, чтобы ударить им Изабель, Мак кинулся на него. Адреналин

усиливался яростью, и Мак за мгновение ока преодолел разделявшее их расстояние.

— Дерьмо, — начал мужчина как раз в тот момент, когда Мак налетел на него, подставив подножку.

Они рухнули на землю, фальшивый глок улетел дальше по коридору, когда воздух вырвался из легких Хамелеона резким хрипом. Мак тут же впечатал свой кулак в лицо мужчины и ощутил резонанс второго удара, когда затылок мужчины врезался в пол. Следующий удар пришелся Хамелеону по голове, и кровь брызнула из его носа каскадом, запятнавшим грудь Мака. Встав, Мак схватил его за грудки униформы и поднял на ноги. Затем так крепко вмазал кулаком ему в живот, что ноги Хамелеона оторвались от земли. А потом он сделал это еще раз. И еще раз.

Ярость бушевала в нем, Мак схватил Хамелеона за горло и вжал его в решетки. Хоть его глаза уже начинали закатываться, Мак все равно усилил хватку. С окровавленных губ Хамелеона сорвался булькающий звук, усы повисли с уголка рта, и Мак сжал руки еще крепче, ударяя мужчину о решетку и заставляя вибрирующий металл грохотать. Но как только глаза Хамелеона закрылись, Мак знал, что должен остановиться — но не для того, чтобы спасти жизнь этого мужчину. Хамелеон должен страдать, а не умереть. Мак медленно разжал хватку, и Хамелеон осел на пол безвольной кучей.

Мак метнулся к Изабель, но сделал лишь один короткий шаг. Наручники. Он быстро согнулся над телом Хамелеона, повалил его на бок и расстегнул отдел для наручников на ремне. Ключи выскользнули наружу, и Мак подхватил их.

В считанные секунды он оказался перед стулом.

— Изабель? — произнес он, отпирая наручники, которые удерживали ее лодыжки, но ответа не последовало. Он заглянул в ее лицо — ее голова низко свесилась, глаза оставались закрытыми. Встав, Мак бережно поднял ее голову, отвел плечи назад и помог ей сесть прямо, чтобы расстегнуть оковы на запястьях. На яремной вене прощупывался частый, но слабый пульс, дыхание было прерывистым. Мак уже собирался опустить ее голову, как ее глаза медленно приоткрылись. Пересохшие губы начали складываться в улыбку.

— Я знала, — прошептала она пересохшим ртом. — Я знала, что ты придешь.

Но как только эти слова сорвались с ее губ, слабая улыбка исчезла, и глаза вновь закрылись.

Мак отпустил ее голову, обошел стул, добрался до наручников и помедлил. Ее левое запястье опухло и кровоточило, и на ней не было перчаток. В нем снова взревела ярость, и расстегивая наручники, Мак посмотрел на неподвижное тело Хамелеона. Может, ему не стоило ждать возможности выпустить свою злобу. Но как только руки Изабель оказались на свободе, Мак позволил наручникам и ключам упасть на пол. Снаружи он слышал вой приближавшихся сирен. Осторожно не касаясь ее рук, он переложил их на колени Изабель и подхватил ее на руки.

Баюкая на груди ее обмякшее тело, Мак поднял ее так, чтобы ее грудь покоилась на его плече. Он опустил голову и прижался щекой к ее лицу. Затем закрыл глаза от ощущения мягкости ее кожи.

— *Изабель*, — прошептал Мак, и на мгновение весь остальной мир исчез. — Я тебя нашел, — пробормотал он, чувствуя, как его затапливает облегчение. Он сделал глубокий вдох, крепче обнял ее и позволил себе медленно выдохнуть. — Я тебя нашел, — прошептал он.

Прентисс подобрался ближе, когда его мать подтолкнула его сзади.

— Ну же! — заорала женщина. — *Покончи с этим!*

Но Прентисса не нужно было подталкивать. Хоть его рот открывался и закрывался как у выброшенной на берег рыбы, Изабель осознала, что он менялся. Он был священником, потом хирургом, потом копом. Она попыталась пошевелить руками, чтобы оттолкнуть его, но просто не знала, где ее руки. Периодически изменяющееся лицо Прентисса приближалось, занимая весь ее обзор, абсолютно окружая ее, пока Изабель не начала задыхаться.

— Нет! — закричала она.

Внезапно она села и распахнула глаза.

— Все хорошо, — сказал кто-то. — С тобой все хорошо.

Изабель лихорадочно искала причину, по которой ее руки не двигались. Мягкие наручники.

— *Что?* — спросила она.

— Ты вытаскивала иглу капельницы, — сказал Мак. — Ну же, приляг, — она посмотрела ему в лицо. Это был Мак. Его сине-зеленые глаза всматривались в нее. — Это всего лишь сон, — тихо сказал он. — С тобой все хорошо.

Изабель ощутила позади себя подушки и обмякла на них, когда комната начала кружиться. Она ощутила, как Мак потянулся куда-то вверх нее.

— Сестра? — сказал он. — Нам нужна помощь.

Затем Изабель почувствовала, как рука Мака коснулась ее лица. Ощущение было таким теплым, таким...

Ее глаза распахнулись.

— Мак, — позвала она с нарастающей паникой. — Мои *перчатки*.

— Они на тебе, — быстро ответил он.

Да. Теперь она их чувствовала.

По другую сторону кровати появилась медсестра и отрегулировала небольшой переключатель на трубке капельницы.

Странный вкус окутал горло Изабель, и через считанные секунды мир уютно померк.

Хоть Изабель и утверждала, что с ней все в порядке, Мак заметил, что она не отказалась от его помощи во время подъема по лестнице к ее квартире. Залечив ее порезы и обезвоживание, ее оставили в госпитале только на одну ночь. Медсестра вызвала доктора, который подписывал бланки выписки, и они прождали полчаса, пока у Мака не лопнуло терпение. Пока Изабель одевалась, он выследил удивленного доктора в кафетерии и подписал бумаги о выписке.

— Эсме все равно придется давать показания? — спросила Изабель, пока Мак отпирал входную дверь.

Всю дорогу домой она забрасывала его всевозможными вопросами. Как дела у Эсме? Что сказал Бен? Будет ли показаний Изабель достаточно, чтобы засадить Прентисса Коултера в тюрьму на всю жизнь?

— Эсме уже сообщила, что сама *хочет* дать показания, — сказал Мак.

Бен надеялся, что это поможет его дочери двигаться дальше, даст ей чувство завершенности, в котором она так отчаянно нуждалась. Теперь Мак поймал себя на мысли, что желает того же для Изабель. Она не сказала ни слова о времени, проведенном с Хамелеоном.

Хоть агентства жаждали опросить Изабель, Мак решительно воспротивился. Прентисс Коултер никуда не денется. Даже в тюремной больнице он был надежно заперт в постоянном присутствии вооруженной охраны.

Мак забрал у Изабель ее сумочку и положил на маленький столик у двери, затем закрыл и запер дверь. Стрелки часов едва перевалили за полдень, но Мак видел, что Изабель совершенно измотана. Если уж на то пошло, он тоже устал. Бессонные дни, предшествовавшие спасению Изабель, не помогли ему уснуть в госпитале. Изабель четыре раза просыпалась с криком.

Повернувшись к Изабель, он увидел, что она смотрит в сторону спальни в конце коридора. Она заламывала руки перед собой и не шевелилась.

— Хочешь, чтобы я сменил простыни? — тихо спросил Мак, когда она не тронулась с места. Логично, что ей хотелось ощутить комфорт — по-настоящему расслабиться — после всего того, через что она прошла. — Это наши простыни, но мне понадобится всего минутка, чтобы...

— Нет, — сказала Изабель. — *Боже, нет.* Я не хочу быть одна.

Мак мгновенно обхватил ее руками.

Это был первый раз, когда они обнялись с тех пор, как он ее нашел. Но когда он привлек ее ближе, ее руки не обвили его талию. Изабель быстро уткнулась лицом в его грудь, но ее руки так и оставались между их телами. Мак ждал, что она пошевелит ими, думая, что они просто оказались зажатыми между ними, но спустя несколько секунд он понял, что она не собиралась этого делать. Он поцеловал ее в макушку и погладил ее волосы, чувствуя, как сдавило грудь.

Что-то изменилось.

Что бы ни случилось с Изабель, что бы ни сделал этот псих, она стала другой.

Мак стиснул челюсти.

Слишком рано говорить, сказал он себе. После всего того, через что она прошла, чертовски рано было говорить. Но это тянущее ощущение в животе говорило об ином.

— Ладно, — тихо сказал он. — Давай отведем тебя в постель.

Изабель резко проснулась, но сумела не закричать. Даже так, она прижала ладони ко рту, чтобы точно не издать ни звука. Лежа на боку, спиной к Маку, она всматривалась в темноту. В этот раз ей снился не Священник, ей снились его жертвы.

Они стояли в линию, медленно идя слева направо, хромая мимо нее — мрачная группа, ведомая его матерью, одетой в грязный домашний розовый халат. Изабель пыталась заговорить с ними, привлечь их внимание, но ни одна из них не посмотрела на нее. Ослепительно белоснежная комната без стен окружала их всех. Их усталые глаза, потрескавшиеся и шелушащиеся губы, ужасные раны на коленях — все это заставляло их креститься.

Когда приблизился конец этого парада, Изабель увидела себя. В этот момент сон резко обрывался. Теперь она зажмурила глаза.

Жертва, как и остальные. Я могла умереть. Возможно, я должна была умереть.
Будучи не в состоянии бороться с эмоциями, Изабель тихо заплакала.

Мак проснулся одновременно с Изабель, но она лежала так неподвижно, что он надеялся, что она снова заснет. Один за другим кошмары будили ее. Но возможно теперь тишина успокаивала. Она не закричала.

Но лежа на спине, Мак бесшумно повернул голову к ней. Хоть Изабель отвернулась от него, он заметил, что ее тело сотрясает мелкая дрожь, а когда она попыталась тихо втянуть воздух, он осознал, что она плачет.

Без лишних слов Мак повернулся к ней, обнимая за талию и прижимаясь к ней всем телом. Обнаженная кожа ее спины ощущалась прохладой на его груди, и все ее тело сотрясалось от беззвучных слез. Нежно сжимая ее, Мак не говорил ни слова. Он уже сказал, что он рядом, что она в безопасности, что с ней все хорошо, но видимо, с ней не все хорошо. Ей нужно было поплакать, и он просто давал ей эту возможность.

Внезапно с ее губ сорвалось мучительное рыдание, и Изабель закрыла руками лицо. Несчастный звук пронзил грудь Мака, скрутил узлом его внутренности, и все же он знал, что ничего не мог поделать — только обнимать ее.

— Я прочла его, — выпалила Изабель. — О боже, я прочла его.

Мак застыл.

— *Что?* — невольно переспросил он.

А потом все полилось наружу. Как ее забрали, как он ее пытал, как она пыталась тянуть время, все видения — *все*. Изабель несколько раз срывалась на рыдания, но Мак не осмеливался ее остановить. Но когда бесконечный поток слов наконец прекратился, он осознал, что она отчаянно стискивает его руку.

— Мы справимся с этим, — тихо сказал он ей на ухо. Изабель кивнула, но ничего не сказала, все еще плача. Мак больше не мог этого выносить. Он бережно перекатил ее на спину, а потом полностью привлек в свои объятия. Она зарылась лицом в его грудь, но так и не обняла его.

— Я знаю, что это непросто, — прошептал Мак, поглаживая ее спину. — Но обещаю тебе, мы справимся с этим — *вместе*.

Руки Изабель уперлись в его грудь, и Мак, к своему беспокойству, осознал, что она его отталкивает. Он неохотно отпустил ее. Но посмотрев на Изабель, он увидел, что она делает. Она расстегивала одну из своих перчаток.

— *Изабель*, — шокированно произнес Мак. — Что ты делаешь?

Она остановилась и посмотрела на него, глаза ее наполнились слезами.

— Вместе, Мак, — сказала она, ее голос дрожал, как и нижняя губа. — Я едва не упустила свой шанс.

Он уставился на нее, не совсем понимая, но все же имея возможность предположить.

— Ты не обязана этого делать, — сказал Мак, беря ее лицо в ладони. — Не сейчас. Еще слишком рано.

— Нет, — выдохнула Изабель. — Не рано.

Она не отводила от него взгляда, но Мак почувствовал, как она сняла перчатку. Вопреки опасениям, бродившим в нем, и боли, явно отразившейся на ее лице, Мак невольно ощутил обнадеженное предвкушение.

— Изабель, — медленно произнес он. — Подумай об этом.

— Я не могла думать ни о чем другом, — сказала она, когда перчатка окончательно упала, и ее ладонь прижалась к центру его груди.

Момент наступил так быстро, что Изабель не подготовилась к образам, которые должны были на нее обрушиться, однако к ее удивлению, этого не случилось. Сознание Мака как будто зависло на краю, прежде чем хлынул поток образов. То ли он контролировал это, то ли она, Изабель не знала, но это видение отличалось от всех остальных. Вместо стремительного натиска, сметавшего ее вместе с собой, эмоции и образы Мака омывали ее плавным потоком.

И *первой* эмоцией была любовь.

Изабель зажмурилась от ее невыносимой красоты. Любовь Мака была сильной, глубокой и такой невероятно уверенной — как и он сам. *Боже, я была дурой, раз не сделала этого раньше*, подумала Изабель, поражаясь возможности так ясно ощущать свои мысли.

Однако внезапно ее ладонь крепче прижалась к груди Мака, когда она ощутила его ярость в тюрьме. Он так близко подошел к убийству ее мучителя. А потом... Линн.

Темноволосая женщина, подумала Изабель. *Теперь я узнаю, что...*

Похороны, скорбящие люди в черном, Бен выражает Маку соболезнования. Острая печаль, потеря и... *вина*? Мак был влюблен в нее и — глаза Изабель распахнулись, но она увидела лишь серость — Линн убили под охраной. Ее похороны прошли в маленьком фермерском городке, откуда она была родом. Перед глазами Изабель промелькнуло ее собственное воспоминание о том, как Мак едва не вышел из себя, когда Бен предложил использовать ее как наживку. Она ощутила, как кулак Мака проломил стену. *О Боже мой*. Через что он прошел.

Изабель убрала руку. Хоть она пока не могла видеть Мака, ее рука в перчатке нашла его щеку.

— Прости меня, — прошептала она.

— Простить *за что*? — тихо спросил Мак.

— За то, что я попросила тебя сделать, — дрожащим голосом ответила Изабель. — За то, что тебя попросил сделать Бен.

— Ты не знала, — тихо сказал Мак, все еще удерживая ее лицо в ладонях. — Ты пыталась поступить правильно.

— Мак, *мне так жаль*, — повторила она.

— Не говори этого, — сказал он, и Изабель ощутила, как он опускает к ней свое лицо. — Никогда.

А потом его губы нежно прижались к ее рту.

Как будто Изабель могла сломаться в его руках, Мак поцеловал ее так легко, что это едва-едва можно считать поцелуем. Его губы еле касались ее, но этого было достаточно. Хотя момент не мог считаться реальным, пока их губы не касались, Мак почувствовал, как в груди растекается глубинное чувство умиротворения. Он так близко подошел к тому, чтобы потерять Изабель — очень близко, но он справился с работой. Он позволил себе слегка улыбнуться и осознал, что улыбка ощущается очень странно, как будто мышцы его лица уже давно не выполняли такую функцию.

В приглушенном свете он провел пальцами по шелковистым темным волосам Изабель,

заправил их за ее ушко и прижался лбом к ее лбу. Их дорога к восстановлению может быть долгой, но он справится и с этой задачей.

Мак меньше всего этого ожидал, но губы Изабель настойчиво искали его рот. Невероятно мягкие и легкие как перышко, они задерживались очень ненадолго. Но эффект от этого опустошал. Они говорили больше, чем могли сказать любые слова, ее нужда в утешении была почти осязаемой. Мак нежно погладил ее по спине и вспомнил про синяки на ее животе и боку, правом боку.

— Тебе стоит лечь на левый бок, — прошептал он. — Не на синяки. — Неудивительно, что она проснулась. — Возможно, пора выпить обезболивающее. Это поможет тебе уснуть.

— Нет, — быстро отозвалась Изабель. — Этого я хочу меньше всего.

Ее лицо оставалось в тени, но Мак догадывался, что если бы мог его видеть, то заметил бы страх.

— Это нормально, — спокойно сказал он, медленно водя рукой по ее спине сверху вниз. — Тебе не обязательно спать. Мы можем вообще больше никогда не спать. Но я хочу, чтобы ты перевернулась, чтобы я мог гладить тебя по спине, — Мак почувствовал, как она засомневалась. — Я не дам тебе заснуть, — сказал он, легко целуя ее в лоб. — Обещаю.

Мак ощутил, как Изабель слабо кивнула, потом откатилась от него и устроилась на левом боку. Он позволил своей руке скользить по изгибам ее бедер и поясницы. Изабель поправила подушку, а Мак гладил ее по впадинке позвоночника до плеч и обратно вниз. Его пальцы легонько массировали мягкую плоть, гладкая как атлас кожа легко скользила под кончиками пальцев. В ее плечах ощущалось напряжение. Мак медленно трудился над ней, его большой палец кружил по ее шее, затем по ключице и обратно к плечу. Он нежно надавил, возвращаясь к шее.

Изабель вдохнула и выдохнула, ее грудная клетка на мгновение расширилась, и часть напряжения ушла из шеи. Подпирая голову рукой, Мак улыбнулся про себя, наслаждаясь ощущением ее теплой кожи. Он обхватил ее шею сзади и помассажировал, чувствуя как длинные пряди волос скользят по тыльной стороне его руки. Все в Изабель было мягким и гладким, нежным и изящным. Уличный фонарь за окном отбрасывал синеватый свет, очерчивая изгибы ее кожи и волны темных блестящих волос.

Медленно поглаживая ее по позвоночнику и лаская ладонью левый бок, Мак представлял себе Изабель во всевозможном свете. Он скользнул пальцами между ее левым плечом и лопаткой, массируя плечо. Он представлял, как свет раннего утреннего солнца Вирджинии подсвечивает ее янтарные глаза. Они бы спали на пляже. Он показал бы ей Аппалачи.

— Так приятно, — сонно прошептала Изабель.

Мак улыбнулся. Она расслаблялась. Вопреки его словам ей нужно было поспать. Но если ее разбудит очередной кошмар, он будет здесь.

Он мог касаться ее бесконечно, но Мак замедлил движения руки, позволяя ей бесцельно скользить по ее спине. Большим пальцем он задел маленькую ямочку у основания ее позвоночника, а потом опустил руку на ее бедро. Изабель глубоко вздохнула и, казалось, поудобнее устроилась на простынях. Мак лежал неподвижно, глядя, как поднимается и опускается изгиб ее талии. Она ровно и глубоко дышала, и Мак наблюдал за едва заметными подъемами и опаданиями как будто в транс.

Но когда рука Изабель медленно шевельнулась, он осознал, что она вовсе не спит. Ее рука в перчатке легла на его ладонь. Мак напряженно смотрел, как ее пальцы переплетаются

с его пальцами, и прежде чем он успел осознать происходящее, их руки исчезли, опускаясь перед ней. Под его пальцами скользнул ее плоский животик, и Мак с изумлением осознал, куда она направляла его руку. Как только под его ладонью оказались нежные завитки ее холмика, его эрекция пробудилась к жизни.

Изабель почувствовала, как замерла рука Мака.

— Тебе нужен отдых, — тихо сказал он.

Его прикосновения были такими невероятно нежными. Напряжение в ее шее и плечах исчезло, и Изабель поразились тому, какими успокаивающими могут быть ласки Мака. И хоть она расслабилась настолько, насколько это вообще возможно, ей нужно было нечто большее.

— Мне нужен *ты*, — прошептала она.

Меньше двадцати четырех часов назад Изабель думала, что умрет. Теперь что-то в ней отчаянно желало подтверждения, что этого не случилось. Когда рука Мака продолжила опускаться ниже, она облегченно выдохнула. Изабель чувствовала, как он изменил позу позади нее. Теплое дыхание омыло ее шею, поднимаясь выше, когда Мак накрыл пальцами ее холмик. Его большой палец слегка потер завитки, а его дыхание раздавалось над самым ухом.

Изабель лежала совершенно неподвижно, с закрытыми глазами, и осознала, что задерживает дыхание. Но когда губы Мака легко сомкнулись на мочке ее уха, а его пальцы нашли ее чувствительное местечко, она позволила воздуху вырваться из ее легких долгим, прерывистым бессловесным шепотом.

Его язык ласкал плоть в его рту, дыхание, вырывавшееся из его ноздрей, щекотало ее ушко. Его пальцы описали крошечный круг по ее сладкому местечку, и Изабель осознала, что они двигались одновременно с его языком.

— О Боже, — выдохнула она почти неслышно.

Если Мак и услышал, то не подал виду. Вместо этого он не стал торопиться — и Изабель это устраивало. Она внезапно осознала, насколько нуждалась в этой стороне Мака, упиваясь легким посасыванием его губ и медленным кружением его пальцев.

Его губы легонько коснулись кожи за ее ухом. Мак поцеловал ее там, а потом немного ниже, тогда как другая его рука прижалась к ней ниже, пробираясь между ее талией и кроватью и скользя к животу. Мак поцеловал ее горло. На протяжении нескольких долгих моментов и сочных поцелуев он просто держал ее вот так, пальцами все еще слегка кружа по нежной плоти. Даже воспоминания нескольких последних дней не могли пробиться через полную безопасность, которую Изабель ощущала в руках Мака.

Его поцелуи были нежными, не настойчивыми. Его прикосновения были нежными, не требующими. Мак отдавал, не ожидая получить ничего взамен. И когда понимание этого снизошло на Изабель, что-то внутри нее беспокойно встрепенулось.

Вопреки своему напрягшемуся члену, Мак не торопился с Изабель. Она едва шевелилась, но ее глубокие вздохи сообщали ему, что она наконец-то начинает расслабляться. Возможно, теперь, поговорив о случившемся и сумев принять утешение, которое он ей предлагал, она сумеет по-настоящему отдохнуть.

Как бы Маку ни хотелось заняться с ней любовью и ощутить, как сливаются их тела, для этого еще будет время. Много времени. Вместо этого он довольствовался ощущением ее влажного и нежного как лепестки цветов входа. Его губы ласково прижимались к атласному изгибу шеи, другая рука накрывала упругий животик. И вновь он ощутил, как ее тело расслабляется, как она отдыхает в его руках. Она ощущалась просто идеально, и Мак прикрыл глаза, навсегда откладывая в памяти это ощущение.

Но как только он легонько провел губами по ее плечу, он ощутил ладонью, как содрогнулось ее сладкое местечко. Не подумав, он потер пальцами ее чувствительный бугорок, и тело Изабель ответило мелкой дрожью.

Мак не мог отрицать, что хочет ее, но Изабель наверняка измотана до предела, даже травмирована. Лучше подождать. Он медленно убрал руку.

— Пожалуйста, не останавливайся, — прошептала Изабель, даже не пытаясь скрыть отчаянное томление в голосе.

— Изабель, — пробормотал Мак ей в шею. — Ты через многое прошла.

— Не останавливайся, — прошептала она.

Мак оставил одну руку под ней, но другой мягко обхватил ее лицо и повернул к себе. Даже в приглушенном свете он видел, какими розовыми и припухшими были ее губки, как кожа зарумянилась сиянием страсти, а глаза светились желанием. На мгновение он не мог поверить своим глазам. Но когда ее рука в перчатке мягко подтолкнула его руку ниже, ему пришлось поверить.

— Изабель, — прошептал Мак, накрывая ее губы своими.

Он заставил себя не сминать ее губы поцелуем, не зная, но чувствуя, что это будет неправильно. Ее губы легко прижимались к его рту, все еще пробуя, как будто она не могла решиться, и внезапно Мака озарило — она действительно не решалась.

Но хотела ли она решиться?

Когда его пальцы нашли ее сладкое местечко, другая рука нежно накрыла мягкую округлую плоть груди. С тихим вздохом губы Изабель на мгновение оторвались от его рта, но Мак ее не отпустил. Он целовал ее в губы так же нежно, как до этого ласкал шею. Он бережно сжал рукой набухшую плоть и поглаживал ее чувствительный бугорок. Когда по всему ее телу прошелся прерывистый вздох, Мак почувствовал, будто Изабель тает в его руках, ее губы раскрылись, и влажное тело распространилось между ног.

Он погладил ее еще раз, и ощутил, как ее бедра едва-едва шевельнулись, потираясь об его пальцы. Ее груди, казалось, задрожали под его легкими касаниями, пышные и мягкие, и его большой палец принялся поглаживать кремовый сосок. Он ласкал нежную вершинку, чувствуя, как она постепенно затвердевает. Между ее ног скользкая мягкость позволила его пальцам без проблем обводить бугорок плоти. Он кружил то в одну сторону, то в другую, время от времени случайно задевая комочек. Тихие движения ее таза сообщили Маку, насколько чувствительным сделался ее клитор. Ее поцелуй был таким же нежным, невесомо лаская его верхнюю губу теплым и мягким дрожащим касанием. Затвердевшая вершинка ее груди пульсировала под его ладонью, и когда Мак переключился на другую грудь, его рука задела твердый сосок, и Изабель тихо застонала.

Это была не та безумная страсть, что иногда вспыхивала между ними, но в данный момент ее едва уловимый отклик был идеален. Медленно оборвав их поцелуй, Мак бережно перекатил Изабель на спину. Неспешно и ласково, помня о синяках на ее животе и боку, он поднял ее и начал переворачиваться на спину. Он приподнял ее над бедрами, плавно

опустившись на спину, и позволил Изабель оседлать себя.

Изабель уперлась ладонями, и ее руки тут же задрожали от утомления, в котором она отказывалась себе признаваться. Мак тут же поддержал ее за плечи, помогая откинуться назад. Позади себя она ощущала длинный и разгоряченный ствол его возбуждения, вжимавшийся в нее. Ее жаждущий вход двинулся как будто сам по себе, бедра слегка выгнулись, прижимаясь к его головке, подталкивая ее внутрь, насаживаясь на нее.

Изабель не осознавала, как сильно хотела этого, но как только горячая разбухшая плоть начала наполнять ее, живот тут же сократился в конвульсии. Ее стеночки сжали его отчаянной нуждой вопреки тому, что Изабель пыталась принять его глубже. Когда она развела колени, Мак медленно толкнулся вверх. Она посмотрела на него, на его мышцы пресса, сокращавшиеся от этого движения. Но когда ее глаза как обычно скользнули по его великолепной груди, Изабель вспомнила, что сняла одну перчатку. Она так часто представляла себе, как касается пальцами волос на его груди, что казалось, будто она уже это делала. И хоть она только собиралась его коснуться, ее сотряс очередной спазм, и ее плавное скольжение по стволу Мака вновь остановилось. Его ствол пульсировал в ней, и Изабель невольно резко втянула воздух, сжавшись вокруг него.

Руки Мака нежно прошили по ее плечам, пока он продолжал медленно толкаться, и Изабель подалась навстречу, садясь ниже, и чувствуя, как он движется в ней. Такое желанное чувство наполненности раздвигало ее стеночки, растягивало ее, пронзало, и ее стон смешался со стоном Мака, когда его бедра продолжили медленно подниматься.

Ее спина начала выгибаться, и Изабель ощутила, как Мак стиснул ее руку. Удивившись, она заставила веки подняться. Даже в приглушенном свете она видела, что он делает. Он расстегивал застежку на оставшейся перчатке. Мак медленно потянул ткань с ее руки, легонько дернув за каждый пальчик по очереди, пока большой палец не освободился первым. Напряжение постепенно нарастало, когда он поочередно обнажал другие пальчики. И как только ткань полностью соскользнула, предвкушение стало невыносимым.

Изабель смотрела на Мака, а его пальцы оставались на запястье, скользя выше и притягивая ее к себе. У нее не было выбора кроме как податься навстречу, и на мгновение она представила, как ладонь коснется его волос на груди, как густые волосы на его затылке будут скользить меж ее пальцев. Ее дыхание участилось, сердце подскочило к горлу, а тыльную сторону ладони омыл холодный ночной воздух. Но ничто из этого не случилось. Вместо этого произошло нечто другое. Глядя ей в глаза, Мак поднес ее руку к губам, мягко развернул ладонью к себе и поцеловал в самый центр ладошки.

Ее оргазм накатил мгновенным душераздирающим взрывом мучительного наслаждения. И когда Изабель почувствовала, что теряет над собой контроль, началось видение. Бешеная разрядка Мака вторила ее собственной, ощущения хлынули в нее, сплетаясь и закручиваясь до невообразимых высот. Все ее тело содрогнулось, охваченное серией судорог. Его эйфория омывала ее даже тогда, когда его семя выстрелило вверх. От ослепительного экстаза перехватило дыхание, и невозможно было понять, чей это оргазм — его или ее, да и неважно. Не существовало никаких барьеров, когда их тела слились воедино, полностью соединившись, и невыносимое удовольствие достигло пика.

Изабель услышала собственный крик в ушах Мака, чувствовала, как его мучительный крик раздирал горло, когда их захватила кульминация оргазма. И хоть они едва сдвинулись с

места, перед ее глазами как будто взрывались фейерверки, отчего из их легких вышибло весь воздух. Мак наполнял ее так глубоко, что достигал места, о существовании которого она не догадывалась. Это было изумительно, мучительно, и внезапно это прекратилось.

Изабель рухнула. Серая дымка закружилась вокруг нее со всех сторон, как только она упала, и она смутно осознавала, что руки Мака сомкнулись вокруг нее. В следующий момент она уже лежала на его вздымающейся груди. Его хрипкое дыхание омывало ее, и она отчаянно пыталась контролировать собственные вздохи. Но впервые в жизни она не ждала, пока уйдут образы из видения, и не надеялась, что серая дымка развеется. Вместо этого она надеялась, что это ощущение будет длиться вечно.

— Я люблю тебя, Изабель, — выдохнул Мак.

— Я знаю, — ахнула Изабель. — Я действительно знаю.

Пахло не только варящимся кофе, но и тостами с яичницей.

Боже, как вкусно пахнет.

Изабель перекатилась на простынях, глубоко вздыхая и потягиваясь. Однако она внезапно села и посмотрела на свои руки. На ней не было перчаток.

Образы прочтения Мака легко отложились в ее сознании. Она легонько провела пальцами по его подушке. Образы и ощущения были там, но они текли легким гладким потоком, как само видение. Если бы она не думала об этом, то даже не заметила бы их.

Ликуя, Изабель замоталась в простыню и побежала по коридору, чтобы сказать Маку.

— Мак! — сказала она, но резко остановилась в дверях кухни.

Он стоял в одних трусах и только что закончил переключать яичницу на две тарелки. Было в этом некое чувство дежа-вю, и Изабель вспомнила другую сцену, случившуюся давным-давно.

— *Доброе утро,* — сказал Мак, убирая сковородку и тут же подходя к ней. — Я и забыл, как кофе с яичницей заставляют тебя заматываться в простыню, — Мак тоже вспомнил об этом. Он обхватил ее своими гигантскими руками, пока она цеплялась за простыню, и легко поцеловал ее. — К такому я могу и привыкнуть, — сказал он, быстро обрывая поцелуй, но не отпуская ее от себя.

— Думаю, тебе придется к этому привыкнуть, — ответила Изабель, испытывая легкую тревогу. Она помедлила, но потом нырнула в омут с головой. — Как и к тому, что я знаю, ну или узнаю, все о тебе, — хотя она чувствовала — нет, знала — что для Мака это не положит конец отношениям, но ей все равно нужно было об этом сказать. — Я буду знать о тебе больше, чем ты когда-либо узнаешь обо мне, даже если я попытаюсь рассказывать тебе абсолютно все.

Печальная улыбка скользнула по его лицу, и он убрал с ее лба прядку волос.

— Твой отец старался как мог, — тихо сказал Мак. — Но отец не может заменить мать. Особенно, когда твои способности проявились в старших классах, — Изабель раскрыла рот, уставившись на Мака и не веря своим ушам. — Погода в день похорон, должно быть, была холодной — поздняя осень на востоке. Но это подходило к тому, что ты чувствовала в душе.

Она могла лишь изумленно таращиться на него.

Вот как люди чувствуют себя, когда я их читаю?

— Ты меня *поражаешь*, — наконец, прошептала она.

— И я еще не сказал тебе лучшей части, — ответил Мак.

Глаза Изабель внезапно увлажнились.

— Одного за другим, — сказал Мак, крепче прижимая ее к себе, — ты оттолкнула от себя всех, — он обнял ее. — Но не меня, Изабель де Грей, — его великолепные глаза всматривались в ее душу. — Я твой. А *ты*, — сказал он, склоняясь к ней. — Ты моя.

Когда его губы слились с ее губами, Изабель позволила простыне упасть и обвила его шею руками. Ее руки зарылись в изумительно густые и гладкие волосы на затылке. И как только серая дымка видения встала перед ее глазами, Изабель наконец-то поверила в то, что Мак знал давным-давно. Она принадлежала ему, и это никогда не изменится.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Бампер-толкач — оборудование полицейского автомобиля для сталкивания с дорог заглохших транспортных средств